

С. М. Телегина

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО М. Ю. ЛЕРМОНТОВА В ВОСПРИЯТИИ П. П. ПЕРЦОВА

В статье дан обзор литературно-критических работ П. П. Перцова о М. Ю. Лермонтове, в том числе статей, опубликованных в газетах Петербурга и Москвы в 1910-х годах и с того времени не переизданных, проанализированы особенности его концепции Лермонтова как «самого религиозного русского писателя» в культурно-философском контексте эпохи Серебряного века, отмечены специфические черты критического метода Перцова, розановские реминисценции в его работах и их концептуальное совпадение с работами философа русского зарубежья В. Н. Ильина.

Ключевые слова: Серебряный век, русская религиозная философия, философия культуры, П. П. Перцов, М. Ю. Лермонтов, религиозность М. Ю. Лермонтова, С. Н. Дурылин, В. В. Розанов, Венеция, С. А. Андреевский, Лермонтов и Пушкин, Лермонтов и Лев Толстой, символизм, «демонизм», вечность, Небо.

Петр Петрович Перцов (1868–1947) оставил в истории Серебряного века весьма значимый след и добрую память. Издатель, искусствовед, литературный критик, философ, автор «морфологической» философской системы¹ («Основания космономии»), мемуарист, он завоевал уважение литераторов-современников своим безупречным литературным

Светлана Михайловна Телегина — исследователь творчества М. Ю. Лермонтова (svetlanatelegina@yandex.ru).

¹ «В публикациях и исследовательской литературе <...> П. П. Перцов рассматривается как фигура „контекста“; как историк искусства и автор путеводителей; наконец, как литератор, <...> но никак не философ par excellence. А между тем мы имеем дело именно с философом, с создателем примечательной философской системы. Причем системы, вполне укорененной в отечественной философской традиции. <...> Перед нами — теологически-ориентированная философская система, имеющая в основе своей тринитарную онтологическую модель. <...> Сам Перцов возводит свою родословную к Вико, Гегелю, Шпенглеру, Хомякову, Данилевскому, Леонтьеву и Соловьеву; но внимательное чтение являет нам и другие имена. Это, прежде всего, Страхов („Мир как целое“) и ранний Розанов („О понимании“). Из мыслителей, „параллельных“ Перцову, отметим никак не связанного с ним биографически Владимира Ильина с созданной совершенно независимо сходной „морфологической“ философской системой — и со столь же драматической судьбой ее рецепции». (Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947) // Она же. О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Изд. дом РЕГНУМ, 2012. С. 256–257.)

вкусом, эрудицией² и безукоризненной честностью. С ним вели переписку и дорожили его мнением многие выдающиеся современники, в том числе А. А. Блок, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, С. Н. Дурылин, В. Я. Брюсов, З. Н. Гиппиус.

Петр Петрович родился в Казани, в старинной дворянской семье, богатой культурными традициями. Его дядя — поэт Эраст Петрович Перцов (1804–1873) — приятель А. С. Пушкина и Е. А. Боратынского³. Пушкин, собирая материалы о Пугачеве, заезжал в 1833 году (5–8 сентября) в Казань и посетил Эраста Петровича в его казанском доме⁴. В богатейшем фонде П. П. Перцова в РГАЛИ хранятся литературные материалы его родственников, среди них: «Путешествие по Испании. Дневник» (1861–1862) его отца Петра Петровича Перцова, «Дневник» его тети Юлии Петровны Перцовой (1812–1852), в котором отразились ее впечатления от путешествия из Казани в Петербург в 1838–1839 годах⁵, и «Воспоминания» его двоюродного брата, инженера Петра Николаевича Перцова⁶.

Литературную деятельность Петр Петрович Перцов начал еще студентом юридического факультета Казанского университета. «Я родился литературно 10 апреля 1890 года — на двадцать втором году от рождения физического», — писал Перцов в своих воспоминаниях⁷. Именно тогда

---

² «Боже мой, сколько Вы знаете!» — восклицал Блок в письме к Перцову после прочтения его книги «Венеция и венецианская живопись». <Петербург> 31 января 1906 г. (Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. Гослитиздат, 1962. Т. 8. Письма 1898–1921).

³ Е. А. Боратынский писал И. В. Киреевскому об Эрасте Петровиче в январе 1832 года: «...мало, что человек очень умный — и очень образованный, с решительным талантом. Он мне читал отрывки из своей комедии в стихах, исполненные живости и остроумия». (Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. [в 3 т.] М.; Augsburg: ImWerdenVerlag, 2001. Т. 3: Проза, статьи, письма. С. 110).

⁴ Бобров Е. А. А. С. Пушкин в Казани // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1905. Вып. 3. С. 23–67.

⁵ Перцова Ю. П. Дневник Юлии Петровны Перцовой. 1838–1839 // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2011. [Т. XX]. С. 445–514.

⁶ Петр Николаевич Перцов (1857–1937) — строитель и владелец знаменитого московского доходного дома на Пречистенке, известного в Москве как «дом Перцова». Был одним из хранителей ценностей храма Христа Спасителя. В 1922 году проходил как обвиняемый во втором процессе «церковников» и получил пять лет тюремного заключения. Через год освобожден и тогда же, в 1923 году, выселен из собственного дома, а его квартиру занял Лев Троцкий. (Перцев Д. Дом Перцова: архитектура и жизнь // Русское искусство. 2012. № 2. С. 40–47).

⁷ Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л.: Academia, 1933. 322 с.

были напечатаны его стихи в столичном журнале «Книжки недели» (1890. № 9).

В юности Петр Петрович симпатизировал либералам и придерживался народнических взглядов, в 1892–1893 годах был постоянным сотрудником «Русского богатства» — ведущего печатного органа этого общественно-политического направления. Быстро разочаровавшись и разойдясь во взглядах на искусство с Н. К. Михайловским, он покинул журнал и два года жил и работал в Казани, печатая в местных изданиях «Письма о поэзии», где проводил мысль о независимости поэтического творчества «от злободневных потребностей». В представлении Перцова, в искусстве и литературе «остается жить только то, что относится к вечной категории — идеализма. Только воплощения вечного идеала и будут вечно волновать нас, вечно говорить с душой человека»⁸.

Перцов получил заслуженное признание как деятельный издатель-интеллектуал с тонким литературным чутьем, издательская деятельность которого никогда не была коммерческой. «Я издаю книги, которые считаю хорошими и которые издать автор не может, а издатели-купцы не хотят», — писал Петр Петрович отцу в феврале 1897 года⁹. Перцов стоял у истоков символизма — сборник «Молодая поэзия», составленный и изданный им в 1896 году, открыл путь в литературный мир сорока двум молодым русским поэтам символистского направления, среди которых были И. А. Бунин, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, Н. М. Минский.

В этом же году он познакомился и подружился с В. В. Розановым, став «великим поклонником» (И. Ф. Романов-Рдцы) философа на всю жизнь. И хотя в их отношениях случались недоразумения, дружба между ними сохранилась до смерти Розанова¹⁰. Петр Петрович был единственным из литераторов, кто сразу откликнулся на просьбу дочери Розанова, Татьяны Васильевны, написать воспоминания об отце¹¹. Перцов — издатель и редактор первых книг Василия Васильевича, тогда еще незнакомого широкой читательской аудитории: «Сумерки просвещения», «Религия

⁸ Перцов П. Письма о поэзии. СПб., 1895. С. 10.

⁹ Цит. по: Лавров А. В. П. П. Перцов // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь. Т. 4 (М–П). М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 561–565.

¹⁰ З. Н. Гиппиус так передает свое впечатление о Перцове и его дружбе с Розановым: «Провинциал, человек упрямый, замкнутый и сдержанный, был он чуток ко всякому нарождающемуся течению и обладал недоюжинным философским умом... Как они дружили, — интимнейший... Розанов и неподвижный, деревянный Перцов? Непонятно, однако дружили». Цит. по: Николюкин А. Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. С. 285. («Жизнь замечательных людей». Вып. 788).

¹¹ Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове // Новый мир. 1998. № 10.

и культура», «Литературные очерки» (1899), «Природа и история» (1900). Литературной знаменитостью философ стал именно после выхода сборников статей, изданных Перцовым. Розанов признавался, что подобного предложения издания его избранных сочинений он до того времени «ни от кого не слышал»: «С изумительным терпением и великодушием [Перцов] взял эти обязанности [редактора и корректора] на себя, и, можно сказать, умерев *для себя* на год, — воскресил (из газетного мусора) и создал как „писателя с физиономией“ — меня»¹². Василий Васильевич умел ценить своего скромного друга «с геттингенской душой». «Вы для меня сделали, сколько никто в 20 лет, разве кроме Страхова („вывел“)...» — писал он Перцову 8 апреля 1900 года¹³. На правах старшего друга он наставляет Петра Петровича: «Вы ужасно серьезны. <...> Вы слишком ушли в „понимание“. <...> Труд и мышление — но где же человек?»¹⁴ «Эх, если бы Вы были поживее и поинтимнее, — сокрушается Розанов в другом письме. — А то „корректность“ Ваша связывает язык собеседнику»¹⁵. Отмечая в Перцове-писателе «богатейшую наблюдательность» и «чрезвычайно научный» ум, высоко ценя «благородство и бескорыстие „рыцаря честного“», Розанов заметил, что «недостаток Перцова заключается в недостаточно яркой и даже недостаточно определенной индивидуальности. <...> Ума и далекого зрения, как и меткого слова (в письмах), у него „как Бог дай всякому“, но все эти качества заволакиваются туманом неопределенных поступков, тихо сказанных слов; какого-то „шуршания бытия“»¹⁶. Это определение — «шуршание бытия»¹⁷, — как очень верное, вспоминает С. Н. Дурылин в своем дневнике в 1926 году, отмечая, что в то трудное для Перцова время при невыносимых условиях жизни и творческой работы он не слышал от Петра Петровича «ни жалобы, ни ропота»¹⁸.

¹² Розанов В. В. Письмо в редакцию. <О П. П. Перцове> // 1900 год в неизвестной переписке, статья, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова. СПб.: ООО «Родник», 2014. С. 524.

¹³ Розанов — Перцову. Петербург, 8 апреля 1900 г. // 1900 год в неизвестной переписке... С. 51.

¹⁴ Цит. по: Розанов В. В. Сочинения. М.: Сов. Россия, 1990. С. 546.

¹⁵ Розанов — Перцову. Петербург, август — сентябрь 1900 г. // 1900 год в неизвестной переписке... С. 65.

¹⁶ Розанов В. В. Опавшие листья // Уединенное. М.: Политиздат, 1990. С. 317. (Мыслители XX века).

¹⁷ У С. Н. Дурылина: «шорох бытия».

¹⁸ Дурылин С. Н. В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 203. (Б-ка мемуаров «Близкое прошлое». Вып. 21).

Постоянно трудясь и помогая другим, деятельный Перцов, видимо, сознательно оставался в тени своих знаменитых современников. Поверхностное впечатление о тихом и застенчивом Петре Петровиче было обманчиво. «Я вообще „человек с секретом“», — писал он в одном из писем¹⁹. Из его переписки с Розановым предстает человек острого ума, свежих и ярких мыслей, знающий себе цену, смело и прямо высказывающий довольно нелицеприятное мнение о некоторых идеях Василия Васильевича, непримиримый к его развязному тону, который Розанов иногда позволял себе в письмах. Причины размолвок между друзьями были и идейные: последовательный монархизм Розанова, готового «умереть за царя», и неизлеченный до конца либерализм Перцова с его резкими отзывами о личности Николая II.

Многие критики единодушно высоко оценили книгу Перцова «Венеция и венецианская живопись»²⁰, написанную им в Италии, где он в 1897–1898 годах изучал искусство Возрождения. Розанов отмечал в своей рецензии на второе издание этой книги: «П. П. Перцов изучал, вернее, залюбовывался искусством Италии. <...> Но он смотрит на искусство... как историк культуры, который живопись объясняет через человека и, в свою очередь, постигает человека через живопись»²¹.

В 1902–1904 годах Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус пригласили Перцова в качестве главного редактора в религиозно-философский журнал «Новый путь», в котором они полагали соединить богоискательство и символизм. В журнале печатались К. Д. Бальмонт, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Вяч. И. Иванов, М. А. Волошин, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов. Мережковский опубликовал в «Новом Пути» «Судьбу Гоголя» и роман «Антихрист. Петр и Алексей». Но журнал не спасли ни громкие имена авторов, ни бескорыстие сотрудников, писавших для него *бесплатно*: из-за нехватки средств он просуществовал только два года. Петр Петрович покинул журнал до его закрытия, в феврале 1904 года, из-за разногласий с Мережковскими. Дурьлин в своем дневнике дает такой *post scriptum* к рассказу Перцова о драматической судьбе «Нового Пути»: «Никто не помог. Правительство и богачи давали деньги на „Мир искусства“,

---

¹⁹ Перцов — Розанову. Москва. 26 января 1916 г. // 1900 год в неизвестной переписке... С. 219.

²⁰ Перцов П. П. Венеция и венецианская живопись. 2-е изд., пересмотр. и испр. М.: Образовательные экскурсии, 1912. 144 с.

²¹ Розанов В. В. П. Перцов. Венеция и венецианская живопись. Издание второе, пересмотренное и исправленное. Москва, 1912 г. // Воспоминатели мгновений: переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916. СПб.: ООО «Изд-во „Росток“», 2015. С. 271.

на эстетику Бакста и Дягилева, „батюшки“ подписывались на „Русский паломник“ и издавали „Труды“ Духовной Академии, — и никто не подумал позаботиться о журнале, где впервые с Петра Великого встречались Вера и Мысль, русская вера и русская мысль, — *никто* в огромной православной России...»²²

С Лермонтовым Перцов-критик соприкоснулся в 1896 году при издании сборника «Философские течения русской поэзии»²³, включающего характеристику двенадцати русских поэтов с подбором «наиболее типичных для философской индивидуальности» стихотворений каждого из них. Это был первый опыт такого рода, учитывая, что позитивистская критика, не проявляя интереса к внутреннему, идеальному миру человека, не рассматривала поэзию в философском контексте. Розанов писал, что для поколения 1860–1870-х годов «мир поэзии, религии и нравственности остался непонятым и навсегда закрытым»²⁴. В результате русские писатели на рубеже веков оказались «чужды преемственности с прекрасным прошлым» (С. Н. Дурылин); Фет и Тютчев были забыты и издателями, и читателями, кумирами последних становились поэты уровня Надсона, книги которого за двадцать лет выдержали двадцать три издания.

В предисловии Петр Петрович так определял основную цель сборника: «Руководящие критические очерки, посвященные каждому поэту, имеют в виду главным образом его мирозерцание; рассматривают его, как мыслителя, как философа. Если искусство есть лучшая форма выражения индивидуальности, — то с другой стороны главным содержанием индивидуальности, определяющим ее моментом является бесспорно ее религия: то или иное отношение человека к важнейшим, к вечным вопросам бытия. <...>. Своеобразное отношение прежней русской критики к вопросам поэзии и философии оставило интересующую нас область почти неразработанной»²⁵.

Критические статьи в сборнике были представлены именами С. А. Андреевского (М. Ю. Лермонтов, Е. А. Баратынский), Д. С. Мережковского (А. С. Пушкин, А. В. Кольцов, А. Н. Майков), Б. В. Никольского (А. А. Фет), Вл. С. Соловьева (Ф. И. Тютчев). Перцов написал статьи о Н. П. Огареве,

²² Дурылин С. Н. В своем углу... С. 248.

²³ Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. 394 с.

²⁴ Розанов В. В. В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 168.

²⁵ Перцов П. П. [Предисловие] // Философские течения русской поэзии... С. 10.

А. К. Толстом, Я. П. Полонском, А. Н. Апухтине, А. А. Голенищеве-Кутузове и А. В. Кольцове в соавторстве с Мережковским.

Емкий по содержанию и изящный по стилю этюд Сергея Аркадьевича Андреевского «Лермонтов»²⁶ — один из самых ярких в этом сборнике. Адвокат Андреевский (1847–1918) был не только выдающимся судебным оратором (в современных юридических учебниках его адвокатские выступления приводятся как образец ораторского искусства), но и талантливым литературным критиком, и не лишенным дарования поэтом. Перцову были близки выводы, сделанные Андреевским, он считал его работу «одной из лучших характеристик в сравнительно небогатой лермонтовской литературе, несмотря на свою односторонность»²⁷. Отличительной чертой всех этюдов Андреевского, и лермонтовского в частности, было внимание к душе писателя и его психологическим переживаниям, что, несомненно, явилось следствием адвокатской практики критика. Этюд о Лермонтове носил полемический характер. Сергей Аркадьевич, рассматривая главным образом духовную сущность лермонтовского творчества, его взгляд на вечные вопросы бытия, спорил с корифеями народнической критики Н. К. Михайловским и А. М. Скабичевским, в своих работах определявшими Лермонтова как «героя безвременья» николаевской эпохи, «который тосковал не столько о небе, сколько об освобождении крестьян»²⁸. Андреевский называет «фальшивым» такое объяснение источника скорби Лермонтова и акцентирует внимание на «более глубокой и менее исследованной стороне лермонтовского дарования — на стороне сверхчувственной»²⁹: «Нет другого поэта, который бы так явно считал небо своей родиной и землю — своим изгнанием. <...> Неизбежность высшего мира проходит полным аккордом через всю лирику Лермонтова. <...> Ангелы входят в его поэзию, как постоянный привычный образ, как знакомые, живые лица. Во всем, что он писал, чувствуется взор человека, высоко парящего „над грешной землей“, человека, „не созданного для мира“»³⁰. Андреевский дает интересное сравнение отношений гениев европейской литературы к вопросам веры

---

²⁶ Этюд о Лермонтове был впервые прочитан Андреевским 16 декабря 1889 года в качестве публичной лекции в Русском литературном обществе, а затем опубликован в газете «Новое время» (1890. 16(28) янв. № 4987. С. 2).

²⁷ Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг... С. 194.

²⁸ Розанов В. В. С. А. Андреевский как критик // Новое время. 1903. 27 сент. (10 окт.) № 9901. С. 2.

²⁹ Андреевский С. А. Лермонтов. Характеристика // Философские течения в русской поэзии... С. 133.

³⁰ Там же. С. 135–136.

и вечности и приходит к выводу: «Один Лермонтов нигде положительно не высказал (как и следует поэту), во что он верил, но зато во всей своей поэзии оставил глубокий след своей непреодолимой и для него совершенно ясной связи с вечностью. <...> Смелое, вполне усвоенное Лермонтовым родство с небом дает *ключ* к пониманию и его жизни, и его произведений. Под куполом неба, населенного чудной фантазией, обличение великих неправд земли есть, в сущности, самая сильная поэзия веры в иное существование...»³¹

Вполне естественно, что позитивистская критика, которую остроумный В. О. Ключевский называл «литературной полицией», не приняла статью Андреевского, но ее оценили Мережковский и пронизательный Розанов, отмечавший новизну определений, *впервые* высказанных так «полно, закругленно и без колебаний»: «Никто не сказал, что „связь с сверхчувственным“ у Лермонтова есть самая главная черта и что ясностью этой связи он превосходит всех поэтов всемирной литературы»³². Но следует отметить, что Розанов обращает внимание на недостаток остроты и глубины «всех нигде не поразительных, но всюду привлекательных этюдов, [в которых] умный автор-собеседник играет перед вами умом, изысканно образованным...»³³ Такая оценка была вызвана, вероятно, тем, что Андреевский, отождествляя понятия «человек не от мира сего» и «чистокровнейший поэт», в конце концов уводил свои рассуждения из мистической плоскости в литературную, а поэму «Демон» трактовал как романтическую историю любви, герои которой «по красоте фантазии... превосходят все влюбленные пары во всемирной поэзии»³⁴.

Тем не менее Андреевский признан предтечей символистской критики. Основные положения его работы: о связи Лермонтова с Небом, о его «двойном зрении», об отношении к смерти — были восприняты (осознанно или неосознанно) и представлены в символистской трактовке В. В. Розановым, Вл. Соловьевым, Д. С. Мережковским, А. Белым, А. А. Блоком, Б. А. Садовским, В. Ф. Ходасевичем, П. П. Перцовым, С. Н. Дурылиным.

Лермонтова Перцов упоминает во всех своих статьях, подготовленных для сборника «Философские течения русской поэзии»,

---

³¹ Там же. С. 134.

³² Розанов В. В. С. А. Андреевский как критик... С. 2.

³³ Там же.

³⁴ Андреевский С. А. Лермонтов. Характеристика // Философские течения в русской поэзии... С. 144.

поскольку рассматривает творчество характеризуемых поэтов на фоне русского литературного процесса XIX века, но более подробно останавливается на сравнении Лермонтова с его «сонаследниками» — Огаревым и гр. А. К. Толстым. Необходимо отметить, что личное отношение Перцова к Лермонтову на протяжении его литературной деятельности претерпело эволюцию от индифферентного до признания его одним из любимых поэтов в конце жизни (наряду с Фетом, Полонским и Майковым)³⁵. В период издания сборника Перцов трактовал личность поэта с преобладанием в ней демонического начала, мятежа и протеста, при этом всегда подчеркивал связь с вечностью, отсутствие страха смерти, мастерство в передаче потустороннего, отвлеченного, надземного.

В статье, посвященной Н. П. Огареву, Перцов дает развернутое сравнение его поэзии с лермонтовской, называет Огарева «одним из эпигонов Лермонтова, его легатарием», указывая на «сходство огаревских настроений с основным мотивом лирики Лермонтова»: «У Лермонтова — это слияние страстного, уверенного стремления к Небу с тоскливым, безнадежным отчуждением от земли, гордый вызов Небу, который характеризует собою „мятежного“ поэта. <...> *Скука жизни* чувствовалась Огаревым так же ярко, как и автором „Ангела“. <...> Даже любовь, для Огарева, как [и] для Лермонтова, отравляется сознанием ее недолговечности. „Вечно любить невозможно“»³⁶. По мнению Перцова, в отличие от Лермонтова «Огарев боится смерти — именно как полного конца, содрогаясь чисто физическим ужасом перед призраком уничтожения. Не имея лермонтовской уверенности „мир увидать новый“, не зная пушкинского пантеистического примирения с „равнодушной“ природой, он восклицает в поэме „Юмор“: „Аккорд нам полный, господа, / Звучать не будет никогда!“³⁷ „*Никогда*“ — вот в чем индивидуальная особенность мировоззрения Огарева, — подчеркивает Перцов, — вот чего не сказал бы Лермонтов»³⁸.

---

³⁵ «Я ведь люблю Лермонтова больше Пушкина, — сказал мне вчера Перцов (13 марта ст. ст. [1926]).— А „надо“ теперь любить Пушкина, как в 60-х годах [XIX века] „надо“ было любить Некрасова. Вот и „любят“ теперь все Пушкина — и в то же время Демьяна Бедного и Маяковского. Какие шестидесятые годы опять настали!» (*Дурылин С. Н.* В своем углу... С. 203.).

³⁶ *Перцов П. Н. П. Огарев. Характеристика // Философские течения в русской поэзии...* С. 164–167.

³⁷ Там же. С. 170.

³⁸ Там же.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, бог грядущих дней, —
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь³⁹.

То святое чувство надежды на вечное блаженство, которое жило в душе Лермонтова, было недоступно Огареву, не сумевшему выйти из-под влияния философии крайнего материализма, истребившей у него не только веру, но вообще возможность признания объективного существования «иного мира».

Сходство между Огаревым и Лермонтовым Перцов замечает и в психологической особенности их личностей, причисляя обоих поэтов к разряду «субъективных художников»: «Источник творческих впечатлений такого поэта — не столько во внешнем мире, сколько в нем самом. <...> И как бы ни были ярки и разнообразны созданные им типы, первым и самым ярким его типом всегда является он сам. Для Пушкина, как для его „пророка“, были внятны „и неба содроганье, и горний ангелов полет, и гад морских подводный ход...“ — его поэзия была, действительно, подобна „эху“ жизни. Лермонтовский пророк бежал в пустыню, и поэзия его творца была, прежде всего, его *исповедью*»⁴⁰. Огарев принадлежит к лермонтовскому типу, как Апухтин, как Баратынский, как Голенищев-Кутузов, между тем как Фет, Майков, Полонский, например, к пушкинскому⁴¹.

Полную антитезу Огарева — графа А. К. Толстого — Перцов называет другим «сонаследником Лермонтова», к которому «перешла лермонтовская уверенность „мир увидеть новый“, открылись „звуки небес“ и заглушили для него даже весь разлад земли, <...> воскресла лермонтовская вера, [но] без его могучего протеста и жгучей тоски. Лермонтовский

---

³⁹ Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.: Наука, 1979–1981. Т. 1. С. 501.

⁴⁰ О разнице между пушкинским и лермонтовским «Пророками» в трактовке Розанова см.: Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в литературно-критическом наследии В. В. Розанова // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 132–133.

⁴¹ Перцов П. Н. П. Огарев. Характеристика // Философские течения в русской поэзии... С. 166–167.

мятежный вопрос о том, „что мне Бог готовил, зачем так горько прекословил надеждам юности моей?“, ему показался бы гордым и преступным. <...> Земная жизнь для Алексея Толстого, как и для Лермонтова, — „неволя“, но он терпеливо сносит ее цепи, <...> жгучая обида жизни, „жар души, растраченный в пустыне“, были непонятным кощунством для этого верного ангела»⁴².

Влияние Лермонтова на Алексея Толстого было и чисто литературным, эстетическим, на что обратил внимание Дурылин: «Кн. Вяземский в „Князе Серебряном“ написан А. Толстым по „Кирибеевичу“ — Лермонтова⁴³: и задумчивость его на пиру у Грозного, и участие Грозного в его страсти любовной, и похищение чужой жены, и бой, и самый удалой характер князя — все по Лермонтову; даже похвальба Хомяка перед боем — перифраза: „Присмирели, небось, призадумались!“»⁴⁴

В статье, посвященной гр. А. А. Голенищеву-Кутузову, определяя его как поэта смерти, для которого «смерть есть не только необходимость, но высшее благо и настоящее блаженство», Перцов останавливается на разработке этого мотива в творчестве других русских писателей: «Вслед за сознательно-спокойной resignation Пушкина — как все, достигаемой великим поэтом без борьбы и усилий, <...> с Лермонтовым подымается в русской поэзии мятежный протест духа, гордый вызов Демона, и Небу адресуется язвительная, мрачная „благодарность“ — „За жар души, растраченный в пустыне, / За все, чем я обманут в жизни был...“ Но в самой глубине этого протеста, в самой силе этого вызова коренится непоколебимая уверенность в близости Неба, в кровном родстве с ним души...»⁴⁵

Об адресате стихотворения Лермонтова «Благодарность», которое упоминает Перцов, допустимо рассуждать только на уровне гипотезы. Мнения исследователей разделились, и полемика продолжается до сего

---

⁴² Перцов П. Гр. А. К. Толстой. Характеристика // Философские течения в русской поэзии... С. 209–230.

⁴³ Это наблюдение подтверждает высокую оценку «Песни о купце Калашникове...» таким знатоком древнерусской литературы, как С. П. Шевырев, который видел в этой поэме не только «создание в духе и стиле наших древних эпических песен», но и «верный зародыш будущей русской драмы из нашего древнего быта». Цит. по: Ратников К. В. Критическая оценка С. П. Шевыревым творчества М. Ю. Лермонтова (Пересмотр прежних литературоведческих стереотипов) // Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Челябинск: Околица, 2007. Часть 2. С. 46.

⁴⁴ Дурылин С. Н. В своем углу... С. 556.

⁴⁵ Перцов П. Гр. А. А. Голенищев-Кутузов. Характеристика // Философские течения в русской поэзии... С. 374.

времени. Известно, что в *прижизненных* публикациях (Отечественные записки. 1840. т. 10. № 6. отд. III. С. 290; Стихотворения М. Лермонтова. СПб., 1840. С. 117) слово *тебя* напечатано со строчной буквы. Часть исследователей находят в этом цензурные причины, ссылаясь на то, что в автографе стоит заглавная буква⁴⁶, и видят в адресате стихотворения — Бога. Тогда как другие, упрекая своих оппонентов в слишком произвольной трактовке смысла текста, предполагают, что это стихотворение — «письмо к женщине», измену которой поэт пережил как трагедию всей жизни, и считают его типичным для любовной лирики Лермонтова, в которой есть примеры такой «благодарности»⁴⁷. Действительно, бессмысленно упрекать Бога за вероломство в любви («отраву поцелуя») и «клевету друзей», которые проистекают из поврежденного грехом человеческого сердца, из свободной воли, дарованной Создателем человеку. В свою очередь, часть исследователей, предполагающих адресатом «Благодарности» Бога, определяют ее как «саркастический вызов» Создателю, «презрительную, кощунственную антимолитиву»⁴⁸; другие же, отмечая трагическую тональность произведения, называют его «стихотворением-молитвой», «духовным плачем» Лермонтова, «все творчество которого вопиет к Всемогущему о *человеческой боли*, пронзающей всю бытийную историю»⁴⁹, сопоставляют стихотворение с драмой библейских пророков Иеремии и Ионы, которые, переживая «горечь отверженного существования, обращались к Богу со словами горьких упреков»⁵⁰. Философ и богослов русского зарубежья В. Н. Ильин называл Лермонтова «„поэтом-литургистом“, творчество которого звучит отзвуками „Арфы

⁴⁶ Бухштаб Б. Я. «Благодарность» // Лит. наследство. Т. 58. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 406–410.

⁴⁷ Архипов В. А. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М.; Л.: Наука, 1965. 664 с.; Щерблякин И. П. Страницы лермонтоведения: интерпретация, анализы, полемика. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2003. С. 81; Горланов Г. Е. «Благодарность» Лермонтова и Православие // «Люблю отчизну я...» Пенза, 2012. С. 117–127.

⁴⁸ Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова. М.; Л.: АН СССР, Наука, 1964; Дунаев М. М. Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) // Православие и русская литература. М.: Христианская литература, 2001. Ч. 2. С. 312–386.

⁴⁹ Сиротин В. И. Лермонтов и христианство // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М. Ю. Лермонтова. М.: Изд. Дом «К единству», 2010. С. 184–233; Сахарова О. В. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Благодарность» в контексте святоотеческой молитвенной традиции // Собор. Альманах религиоведения: светские и религиозные семейные ценности в контексте истории и современности. Вып. 11. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 105–109.

⁵⁰ Нестор (Кумыш), игум. Тайна Лермонтова. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 95–96.

Давида“ даже тогда, когда душа его в попытке невыносимого страдания исходит „Иовлевыми воплями“ и протестами...»⁵¹

В результате многолетних размышлений о личности и творчестве Лермонтова Перцов пересмотрел свою первоначальную трактовку «Благодарности», что нашло отражение в его «Литературных афоризмах», над которыми он работал более тридцати лет, начиная с 1897 года. Здесь, уже отрицая «мятежный» характер личности Лермонтова, Перцов указывает, что «он говорит с Богом, как равный с равным, — и так никто не умел говорить („Благодарность“ и друг.). <...> У Гоголя — еще природный человек, — в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей. Только у Лермонтова он — сын „Божий“, и не боится Отца, потому что „совершенная любовь исключает страх“. <...> У него нет и не может быть бунта, потому что бунт только там, где рабство, а у Лермонтова отношение к Богу — отношение сына к Отцу, а не раба или слуги — к Господину (Пушкин, Гоголь). Даже в минуты непокорности и упреков оно остается сыновним, новозаветным. Сын может возмущаться властью Отца, Его несправедливостью (на его взгляд), но это не бунт: *тут нет чувства разнородности и несоизмеримости*»⁵².

Статья «„Судьба“ Пушкина» (1899) является откликом на полемику в период 100-летнего юбилея Пушкина и связана со статьей «Смерть Пушкина». Размышляя о причинах «пушкинской катастрофы», Петр Петрович указывает на разницу обстоятельств, приведших обоих гениев к дуэли: «земной характер трагедии Пушкина» и стремление Лермонтова к освобождению от «земной неволи» и к возвращению в небесную отчизну. В статье «„Судьба“ Пушкина» (в совокупности со статьями об Огареве и А. К. Толстом) намечены основные положения трактовки образа Лермонтова, которые будут развиты в последующих статьях Перцова.

«В пушкинской катастрофе все, выражаясь языком философии, „феноменально“ — легкомысленная жена, враждебные вельможи, светские сплетни. Это — оскорбление, идущее со стороны людей, — пишет Перцов. — В дуэли и судьбе Лермонтова все „ноуменально“ — здесь нет никаких посредствующих деятелей драмы. Великий человек бросает

⁵¹ Ильин В. Н. М. Ю. Лермонтов // Арфа Давида: религиозно-философские мотивы русской литературы. СПб.: Русский мир, 2009. С. 90.

⁵² Перцов П. П. Литературные афоризмы // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 224.

свою жизнь зря, из-за пустяков, для удовольствия приятеля, без всякой видимой причины. Это почти замаскированное самоубийство. Причина здесь — внутренняя: тоже оскорбление поэта, но оскорбление, идущее не от людей...

Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей?
Поведать, что мне Бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей?

* * *

Но я без страха жду довременный конец —
Давно пора мне мир увидеть новый.

И он ушел из того мира, „скучные песни“ которого не были в силах заглушить в его памяти „звуков небес“. Вот беспримесный, чистый трагизм — неразрешимое столкновение гения с жизнью. <...> Ничтожество Мартынова только усугубляет общее впечатление, ничтожество Дантеса — досадно. Причина, конечно, в том, что в истории Лермонтова личность противника не играет никакой роли: все дело в самом поэте, во внутренней его коллизии; чем ничтожнее противник, тем даже резче выступает эта последняя. У Пушкина коллизия во внешних отношениях...»⁵³

У Петра Петровича в русском зарубежье был единомышленник — философ и богослов Владимир Николаевич Ильин (1891–1974). А. И. Резниченко отметила «параллельность совершенно независимой „морфологической“ философской системы В. Н. Ильина» «Основания космономии» Перцова (см. сноску 1). Такое же поразительное концептуальное совпадение находим у этих мыслителей, творивших в разных русских мирах, в отношении личности и творчества Лермонтова. (Можно предположить, что в юности Владимир Николаевич был знаком со статьями Перцова, и этим объяснить перцовские реминисценции в его работах.) «В противоположность убийству Пушкина через приражение *извне*, — пишет Ильин, — дуэль Лермонтова и все, что ей предшествовало, было *замаскированным самоубийством* (курсив мой. — С. Т.). Конечно, и здесь по отношению к такой сложной, гениальной и таинственной личности, какой

---

⁵³ Перцов П. П. «Судьба» Пушкина // 1900 год в неизвестной переписке... С. 240–242.

был автор „Фаталиста“, слово „самоубийство“ звучит совсем иначе и содержит совершенно иной смысл, чем мы это наблюдаем у обыкновенных натур. <...> Лермонтов есть по преимуществу ангелическая натура русского высокого Парнаса. Пребывание его на земле можно назвать — со всякими оговорками — как бы карающим воплощением ангела. <...> Жизнь Лермонтова... есть лютое страдание от насильственного воплощения такого духа, которому воплощение по природе не свойственно. Отсюда желание как можно скорее развоплотиться и уйти. <...> Все обстоятельства рокового события показывают, что Лермонтов не только не желал убить своего противника Мартынова, но, наоборот, все сделал для того, чтобы быть убитым, — и преуспел в этом совершенно»⁵⁴.

Концепция Ильина отличается от перцовской тем, что он считал Пушкина, при всем его несходстве с Лермонтовым, также мечтающим, но только *скрытно*, поскорее «мир увидеть новый»: «У обоих была тяжкая привилегия исключительных натур: им было неуютно в этом мире, [оттого они] взмолились о „карете“. Таковы были их истинные молитвенные слова, полные горечи и любви». «Смерть для них, — уверен Владимир Николаевич, — означала „восхождение по вертикали“»⁵⁵.

В концепциях Перцова и В. Н. Ильина делается акцент на добровольном характере ухода Лермонтова из жизни, что, конечно, спорно. Многие современники поэта, в том числе Е. П. Ростопчина и В. А. Соллогуб, близко наблюдавшие Лермонтова перед последним отъездом из Петербурга в 1841 году, когда ему было отказано в прощении и предписывалось в 48 часов покинуть столицу, отмечают его «чрезвычайную грусть» и тяжелые предчувствия близкой смерти⁵⁶. Кроме того, сохранилось свидетельство М. П. Глебова, секунданта Лермонтова (?),

---

⁵⁴ Ильин В. Н. М. Ю. Лермонтов // Арфа Давида... С. 78–79.

⁵⁵ Там же. С. 85.

⁵⁶ «...Когда он кончил [читать „На воздушном океане...“] <...>, „C'est du Pouchkine cela“ [Это по-пушкински. (фр.)], — сказал кто-то из присутствующих. „Non, c'est du Лермонтов, ce qui vaudra son Pouchkine!“ [Нет, это по-лермонтовски, одно другого стоит! (фр.)] — вскричал я. Лермонтов покачал головой. „Нет, брат, далеко мне до Александра Сергеевича, — сказал он, грустно улыбувшись, — да и времени работать мало остается; убьют меня, Владимир!“» (Соллогуб В. А. Из воспоминаний // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 346–349.); «...на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце...» (Ростопчина Е. П. Из письма к Александру Дюма, 27 августа / 10 сентября 1858 г. // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников... С. 358–364.).

о задуманной поэтом диалогии из двух эпох русской жизни⁵⁷, свидетельство А. А. Краевского о желании Лермонтова издавать *свой* журнал, о чем он часто с ним говорил⁵⁸, и последнее письмо Лермонтова к бабушке, написанное за несколько дней до смерти, с просьбой прислать «поскорее полное собрание сочинений Жуковского и полного Шекспира, по-англински» (IV, 429), — все это никак не соответствует намерениям поэта уйти из жизни.

Несмотря на эти факты, точка зрения Перцова о «замаскированном самоубийстве» осталась неизменной на протяжении всей его литературно-критической деятельности и закреплена в несколько смягченной форме в итоговой работе «Литературные афоризмы»: «Дуэль Лермонтова — замаскированное самоубийство (как уже неоднократно замечалось). <...> Быть может, он и был прав в отношении себя: „исчезнуть“ он не боялся, а хотелось поскорее „мир увидеть новый“. Но, несомненно, он был неправ объективно — забыв свой гений. Сила личности (и отсюда — самососредоточенности) слишком ослабила в нем чувство обязанности (своей относительности)»⁵⁹. Следует заметить, что, в отличие от Перцова и В. Н. Ильина, архимандрит Константин (Зайцев), подводя духовный итог трагической дуэли Лермонтова, отрицал в ней мотив самоубийства, так как в этот момент, «под дулом пистолета, по мнению

⁵⁷ 15 июля 1841 года «всю дорогу до места дуэли никаких предсмертных разговоров, никаких посмертных распоряжений от Лермонтова Глебов не слышал. Все, что он высказал, это сожаление, что он не мог получить увольнения от службы в Петербурге и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд: „Я выработал уже план двух романов: одного — из времен смертельного боя двух великих наций, с завязкой в Петербурге, действиями в сердце России и под Парижем и развязкой в Вене, и другого — из Кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погиб Грибоедов в Тегеране, и вот придется сидеть и ждать, когда можно будет приняться за кладку их фундамента. Недели через две уже нужно будет отправиться в отряд, к осени пойдем в экспедицию, а из экспедиции когда вернемся!..“» (Мартыанов П. К. Дела и люди века: Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1893–1896. Т. 2. С. 93–94).

⁵⁸ Не одобряя направления «Отечественных записок», Лермонтов говорил Краевскому: «Мы должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное в общечеловеческое. Зачем нам все тянуться за Европою и за французским. <...> Мы в своем журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а свое собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-либо оригинальное, не так, как Жуковский, который все кормит переводами, да еще не говорит, откуда берет их». (Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. С. 324–325. (Сер. «Б-ка любителей российской словесности»).

⁵⁹ Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 225.

о. Константина, зло уже было безвластно над ним. <...> В таком смиренном отказе от выстрела по своему случайному и раздраженному противнику можно распознать *вольное самоотдание* в руки Бога Живого, разящего, но милостивого»⁶⁰. И эта точка зрения, на наш взгляд, ближе стоит к объяснению тайны, которую Лермонтов унес с собой в иной мир.

В 1904–1906 годах Перцов сотрудничал в петербургской газете «Слово», издаваемой его родственником Н. Н. Перцовым, вел там рубрику «Обзор печати» и редактировал литературное приложение «Понедельники газеты „Слово“», привлекая туда талантливых поэтов-символистов В. Я. Брюсова, А. А. Блока, Федора Сологуба (Ф. К. Тетерникова), И. Ф. Анненского и др. В сентябре 1908 года, после двухлетнего перерыва, Перцов возвратился к литературной работе, став сотрудником столичной газеты патриотического направления «Новое время», самой читаемой газеты в России, и активно печатался там до 1917 года как публицист, литературный и художественный критик, для которого были характерны воззрения, близкие к славянофильским. Именно в этот период (1909–1916) Перцовым были написаны статьи о Лермонтове. Сам Петр Петрович подсчитал, что всего в «Новом времени» за период с 1908-го по 1917 год было опубликовано 553 его статьи, а в «Голосе Москвы» за четыре года (1911–1914) — 90 статей⁶¹. Лермонтовский цикл Перцова, сравнительно с общим количеством публикаций, небольшой — восемь статей, которыми восхищался Розанов и высоко ценил Дурылин.

В конце 1930-х годов Перцов, находясь в костромской деревне, активно работал над «Космономией». «Нуждаясь в сомыслящем собеседнике», он отправлял готовые главы для прочтения Дурылину. Интересно, что, высоко оценив⁶² принципиально новый философский труд своего друга, подробно анализируя прочитанные главы «Космономии», Дурылин вспоминает его статьи о Лермонтове: «...статьи Ваши о Лермонтове

---

⁶⁰ Константин (Зайцев), архим. Лермонтов (1814–1841) // Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. С. 719–720.

⁶¹ Лавров А. В. П. П. Перцов // Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь... С. 565.

⁶² «Вы прошли через культурную заставу наших символистов и европейцев конца 19 века. Вы тоньше Хомякова, ироничнее Чаадаева, глубже (метафизичней) эмпирика Данилевского...» (С. Н. Дурылин — П. П. Перцову. 26–27.VIII–1939 г. // Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 263.); Я радуюсь... тому, что Вы продолжаете большую работу больших людей, которые искали законов бытия, а не законов бывания, радуюсь и считаю Вашу работу благородной, нужной, блестящей. (С. Н. Дурылин — П. П. Перцову. 23 сентября 1939 г. // Резниченко А. И. П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 265).

(кстати: они перепечатаны для Вас в двух экземплярах) мне ближе двух глав Вашей системы. Мне кажется, в „оболочке зримой“ в лермонтовской оболочке „сквозит и тайно светит“ у Вас *то же*, что и в „Системе“, но мне... легче распознать это Ваше „тайное и живое“ в зримой оболочке, чем в отточенной схеме высокой абстракции»⁶³. Через два года Сергей Николаевич, вдохновляя Перцова на продолжение «Литературных воспоминаний» и «Оснований космономии», пишет ему: «Высоко ценю Вас как писателя и художника слова. Если б моя воля, к юбилею Лермонтова я первым долгом издал бы Ваши статьи, как лучшее, что о нем написано»⁶⁴. Мысль об издании статей Перцова (не изданных до сего времени) не оставляет Дурылина, он возвращается к ней 28 марта 1942 года: «Я бы издал Ваши статьи о Лермонтове в один томик. У Вас есть ощущение неповторимого бытия Лермонтова, и у Вас есть ощущение его аромата — как-то запах лермонтовского ландыша. Это его цветок — и он у Вас благоухает»⁶⁵.

Из восьми статей *три* представляют собой рецензии на новые книги о Лермонтове. В 1909 году Перцов откликается на выход отдельным изданием статьи Д. С. Мережковского «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества»⁶⁶, носившей характер острой полемики с Вл. Соловьевым, резко обвинявшим Лермонтова в демонизме (одержимости тремя демонами) и видевшим в поэте прямого родоначальника ницшеанства. По мысли Соловьева, Лермонтов был не способен на смирение и на «сложный и долгий подвиг борьбы» с демонизмом, поэтому не исполнил своего призвания гения⁶⁷. В отличие от Вл. Соловьева, Д. С. Мережковский видел в «богоборчестве Лермонтова» страдания библейского Иова и был уверен, что через него поэт шел к «богосыновству». Мережковский указывал, что Лермонтов — первый русский писатель, поднявший «религиозный вопрос о зле», первый писатель, в котором так ясно видна связь

⁶³ С. Н. Дурылин — П. П. Перцову. 26–27.VIII–1939 г. // *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 263).

⁶⁴ С. Н. Дурылин — П. П. Перцову. 2 июля 1941 г. // *Дурылин С. Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / сост. вступ. ст. и коммент. А. И. Резниченко, Т. Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 847).

⁶⁵ Цит. по: *Резниченко Анна.* Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 468. («Исследования по истории русской мысли». Т. 14).

⁶⁶ *Мережковский Д. С.* М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества. СПб.: Пантеон, 1909.

⁶⁷ *Соловьев В. С.* Лермонтов // *Философия искусства и литературная критика.* М.: Искусство, 1991. С. 379–399.

с вечностью. В то же время «главная трагедия Лермонтова», по мысли Мережковского, в том, что «он христианство преодолеть не мог, потому что не принял и не исполнил его до конца»⁶⁸. Это утверждение философа, как и его идея о «несмирности» Лермонтова, исходит из религиозных заблуждений Мережковского, его попыток преодоления традиционного христианства, выразившихся в активном богоискательстве, попытке создания «Церкви Третьего Завета» и «некоего вселенского неохристианства».

Перцов считал, что религиозное реформаторство только повредило критическому таланту Мережковского. «Как ни настаивай на признании „третьего царства“ и „религии Св. Духа“, — никого не соблазнишь к новому верованию и ни одна живая душа не дрогнет, — пишет Петр Петрович в рецензии. — В книжке о Лермонтове тоже слишком много „противоположения христианству“ и „преодоления христианства“, „богоборчества“ и „богосыновства“... Но уж пусть его! Зато есть действительно меткие намеки на „загадку“ Лермонтова»⁶⁹. Перцов обращает внимание на мысли Мережковского о метафизической природе поэзии Лермонтова, как на самое главное, что может приблизить к пониманию «загадки» Лермонтова: «Действительно, Лермонтов, „демонический“ Лермонтов, есть самое религиозное явление русской литературы»⁷⁰. Перцов считал, что, в отличие от Гоголя, Достоевского и Толстого, которые рассуждали о религии, потому что «продвинулись от нее и затосковали, Лермонтов не рассуждает о религии, потому что он дышит ею, живет в ней, потому что он религиозен стихийно, бессознательно, как дети, как часто женщины, как народ и, наконец, как природа»⁷¹. Для Перцова «необыкновенный „Ангел“», как и «Листок», «Тучи» и многие другие у Лермонтова, «больше, чем стихи. Это именно заклинания, — заклинания, стремящиеся вернуть невозвратно ушедшее. О чем бы ни писал Лермонтов, — он пишет о потерянной отчизне»⁷². Мережковский заметил, что в противоположность большинству людей, Лермонтов помнил прошлую вечность. Перцов дополняет: «Отсюда вечность его тем и вечность его стихов-формул»⁷³.

---

⁶⁸ Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 377. («Русский путь»).

⁶⁹ Перцов П. «Загадка» Лермонтова // Новое время. 1909. 15 (28) июля. № 11975. С. 3.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю.
Как я сердце унести бы им дал,
Как бы *вечность* им бросил мою!
I, 326

По мнению Дурылина, все творчество Лермонтова говорит о его «пламенном исповедании иной действительности». «Лермонтовское из лермонтовских признаний: „И я бросил бы вечность мою“, — пишет Сергей Николаевич, — невозможно, немислимо в устах Пушкина. МОЮ! — *вечность мою!* — сказать так же просто и твердо, как ребенок говорит про мать: „мама моя“. В Лермонтове и была простота мудрости — знания о вечном. А у Пушкина — „мое“ обращено только к земле, к земному: вот красавицу жену называет он в минуту страсти „смиреницей моей“. А „вечность моя“ в устах Пушкина звучит так же дико, как молитва Ефрема Сирина в устах Магомета»⁷⁴.

Эти слова Дурылина проясняют, почему он так ценил перцовские статьи о Лермонтове: у них совпадали трактовки его творчества, что особенно было ценно в советские годы, когда работы с такой интерпретацией не могли быть опубликованы, их основные мысли и идеи оставались зафиксированными только в потаенных записках и доверительных беседах.

Перцов часто прибегает к сопоставлению Лермонтова с Пушкиным («Их не устаешь сравнивать», — замечает Петр Петрович), и в этом отношении у него много глубоких мыслей. Говоря о разнице между двумя гениями, Перцов замечает, что Пушкин своим «изящным, легким, искрящимся» стихом откликается даже на «мимолетное, случайное настроение», и Лермонтов, который «все мимолетное склонен возводить к пределу вечности. Он неутомимо, неотвлекаемо серьезен»⁷⁵. В «Литературных афоризмах» суть этого различия Перцов выразил кратко и ясно одним предложением: «Пушкин эстетически совершеннее Лермонтова, но Лермонтов духовно — значительнее»⁷⁶. «На их примере наглядно видно, — делает он небольшое пояснение, — что в искусстве „главное“ все-таки не красота, и что само искусство не есть важнейшее явление нашего духовного мира»⁷⁷. Немецкий поэт и переводчик Фридрих

⁷⁴ Дурылин С. Н. В своем углу... С. 250–251.

⁷⁵ Перцов П. «Загадка» Лермонтова... С. 3.

⁷⁶ Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 224.

⁷⁷ Там же.

Боденштедт, близко наблюдавший поэта в последний год его жизни, писал, что «серьезная мысль была главною чертою его благородного лица, как и всех значительнейших его произведений, и вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение...»⁷⁸. Петр Петрович обращает внимание, что в стихотворении «М. А. Щербатовой» «серьезная нота врывается вдруг в светский мадригал — столь же неожиданная, как этот странный эпитет „печальная“ в применении к Украине, которая никому другому из поэтов не казалось такой. Но печаль он носил всегда в себе:

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла...

* * *

И, следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на Бога
Хранит она детскую веру»⁷⁹.

Исповедование иной действительности и связь с вечностью — это тяжелое бремя, оттого, по мнению Перцова, «не было человека несчастнее Лермонтова, — по крайней мере между русскими поэтами. <...> Смерть его есть, несомненно, замаскированное самоубийство. Если бы Мартынов промахнулся, он додразнил бы кого-нибудь другого»⁸⁰. Свои мысли о религиозности Лермонтова, намеченные в рецензии на книгу Мережковского, Перцов окончательно выразил в форме литературных афоризмов, где они приобрели отточенную лаконичность и философскую глубину.

Рецензия Перцова на книгу Д. Н. Овсяннико-Куликовского⁸¹ называется «Нечто о Лермонтове» и начинается словами: «Мучительно-пустая книга...» И далее в том же ироничном ключе: «Положительно, это

---

⁷⁸ *Боденштедт Фр.* Из послесловия к переводу стихотворений Лермонтова // М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников... С. 369.

⁷⁹ *Перцов П.* Трагедия Лермонтова // Новое время: ил. прил. 1914. 18 (31) окт. № 13860. С. 337.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* М. Ю. Лермонтов: К столетию со дня рождения великого поэта. Пг.: Прометей, 1914. 141 с. (*Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский* (1853–1920) — литературовед и лингвист, Почетный член Петербургской академии наук (1907) и Российской академии наук (1917), профессор четырех российских университетов — Новороссийского, Казанского, Харьковского и Петербургского, один

какой-то особый талант, распространенный по преимуществу между нашими „почетными академиками“ и вообще „мужами науки“, — умение написать целую книгу и ничего в ней не сказать. Как это они умеют? Что за секрет?»⁸² Книга Овсяннико-Куликовского наполнена азбучными истинами и банальными рассуждениями о «субъективном» и «объективном», которые «до такой степени несомненны, что новорожденный младенец их уже знает и если не беседует на эту тему со своей кормилицей, то единственно из скромности. А вот почетный академик и „знаменитый“ профессор не побоялся посвятить им целую книгу»⁸³. Не найдя ни одной свежей мысли в рассуждениях Овсяннико-Куликовского, Петр Петрович заметил, что все книги «почетных академиков» «так удручающе схожи друг с другом». Полное равнодушие автора к объекту своего исследования вызывает у Перцова восклицание: «Главное, что поражает у „почетного“ автора — это именно отсутствие своего личного отношения к Лермонтову (к Лермонтову!). Чувствуется, что ни разу он не задумался неодолимо над поэтом, <...> не был поражен его загадочно-трагическим обликом. Только сидел и писал: „Субъективное, <...> объективное“. <...> Есть же такие счастливые души!» «Единственные оазисы книги — это ее обширные, к счастью, цитаты, — иронизирует Перцов. — Вот что читается с удовольствием. Отличные цитаты: все ведь из Лермонтова...»⁸⁴

Дурылина называл труды «разных „ологов“» «жвачкой», которая уничтожает «остроту и тонкое благоухание» великих писателей⁸⁵. По мнению Сергея Николаевича, не «Львовы-Рогачевские и Пиксановы», а русские мыслители, которые никогда «не получали чинов и наград по печальному ведомству истории литературы, сказали о Лермонтове самое умное и самое верное»⁸⁶. «[Они] находили и открывали оттого, что сами ощущали трепет творчества, волнение мыслительных раздумий». В числе тех, кто входил в «эту царственную линию, никогда не занимавшую престола»⁸⁷, Дурылин называет и Перцова наравне с Розановым, Ключевским, Леонтьевым, Говорухой-Отроком.

из редакторов либерального журнала «Вестник Европы» (1913–1918), автор литературоведческих книг о Н. В. Гоголе, А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове и М. Ю. Лермонтове.)

⁸² Перцов П. Нечто о Лермонтове // Новое время: ил. прил. 1914. 11 (24) окт. № 13859. С. 333.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Дурылин С. Н. В своем углу... С. 614.

⁸⁶ Там же. С. 423.

⁸⁷ Там же. С. 614.

Деятельный Петр Петрович предлагает Розанову создать «анти-венгеровскую и анти-куликовскую коалицию [и] бороться с этой пошлятиной именно *книгой*»: «Хорошо бы повторить издание „Философских течений“. Но не буквально (не имело бы смысла) <...> берем... „тему“ — Лермонтов, Пушкин, Некрасов, Гоголь — и подбираем на нее статьи „умных авторов“ (собственно это и есть *тип* моих „Философских течений“). Напр<имер>, о Лермонтове: 1) Розанов. „Вечно печальная дуэль“ и еще другое что; 2) Шперк — прекрасная была статья, осталась в рукописи; 3) Перцов — заметки из „Нов<ого> вр<емени>“, Вами хвалимые... <...> Хорошо бы такую серию дать „наших“ авторов. <...> А то посмотрите — ведь вся литература засыпана *их* горохом. Какой-то Коген (литературовед П. С. Коган. — С. Т.) вышел *седьмым* изданием! (именно сборник статей о русских „классиках“). Овсяннико-Дураковский выходит каждый год новым. <...> Не все учителя леваки; наверное, есть и нашего типа. Но что же он рекомендует? Страхова, которого негде купить, Розанова, который (в этом смысле) почти не издан?.. <...> Вообще, давайте „толкаться“. Иначе и не отвернется...»⁸⁸ Наступил 1917 год, и издание обновленных «Философских течений» осуществить не удалось.

В 1915 году Перцов рецензирует книгу молодого ученого Л. П. Семенова⁸⁹, в которой был дан обзор литературы о Лермонтове, опубликованной к 100-летию со дня рождения поэта, в том числе всех статей и заметок из столичных и провинциальных газет и журналов. «Нельзя отрицать трудолюбия г. Семенова, — пишет Перцов. — Все на свете трудно, но не все одинаково ценно. Г. Леонид Семенов один из тех, кто не понимает этой истины. <...> Нельзя написать ни одной мимолетной рецензии, чтобы не быть пришипленным в одном из ящиков его коллекции. Он думает, что писать о Лермонтове — это значит собирать под одну обложку все, где мелькнет его имя»⁹⁰. Идет война с немцами, и Перцов переходит к рассуждению о влиянии германского духа на нашу науку. Именно для немцев, по мнению рецензента, характерно «это нагромождение... „фактов“, фактецов, полу-фактов, четверть-фактов и наконец фактишков»: «В конце концов появляются такие „лермонтовские“ темы, как „случаи употребления Лермонтовым античных имен“. В самом деле, чрезвычайно важно знать, что Александр Македонский упоми-

---

⁸⁸ Перцов — Розанову. Москва, 16 февраля 1916 г. // Воспоминатели мгновений... С. 236–237.

⁸⁹ Семенов Л. П. М. Ю. Лермонтов: Статьи и заметки. Т. 1. М.: В. М. Саблин, 1915. 294 с.

⁹⁰ Перцов П. Литературное крохоборство // Новое время. 1915. 3 (16) окт. № 14212. С. 11.

нается у Лермонтова три раза, а Гектор всего только раз. <...> Г. Леонид Семенов — это типичный лепесток с древа нашей академической официальной учености, которая вся пропитана кенигсбергским духом, унылым, как бескрасочное прусское побережье»⁹¹.

Надо сказать, что такая резкая критика Перцова скромной, но все же нужной книги начинающего ученого во многом была несправедлива. Л. П. Семенов⁹² собрал и сохранил юбилейные публикации, рассеянные по дореволюционным периодическим изданиям, часто недоступным для исследователей и со временем приобретающим все большую ценность. Кроме того, книга передает юбилейную атмосферу в стране, омраченную начавшейся Первой мировой войной, обозначает проблемы в сохранении памяти поэта, отмечает отношение простых обывателей к гению. Семенов пишет во вступительной статье «Судьба поэта»: «Мы хотим здесь напомнить лишний раз, что мы не умеем ни беречь великих людей, ни хранить память о них. <...> Гул пушек менее угрожает имени поэта, нежели равнодушие или глухая неприязнь, перешагнувшая за порог XIX века. Подписка на памятник в Москве открыта, но пожертвования даются скудно, неохотно. У нас нет образцового, строго научного издания, как нет и хорошего общедоступного издания избранных произведений поэта...»⁹³ Побывав в день 100-летия со дня рождения поэта, 15 июля 1914 года, в Пятигорске, Семенов с горечью отмечал, что на панихиду у места первоначального погребения поэта в Пятигорске собралось всего тридцать человек, в Домике Лермонтова посетителей было мало, пояснение давал сторож. Место дуэли, общение

---

⁹¹ Там же. С. 12.

⁹² Семенов Леонид Петрович (1886–1959) стал впоследствии авторитетным ученым, одним из основателей северокавказской научной школы лермонтоведения. Именно Л. П. Семенову принадлежит идея создания «Лермонтовской энциклопедии» (1981), ее главный редактор В. А. Мануйлов ориентировался на детально разработанный (незадолго до смерти) Семеновым план этого уникального издания. А. А. Тахо-Годи в книге воспоминаний называет Л. П. Семенова, приходившегося ей родным дядей, «человеком благороднейшим», «настоящим рыцарем без страха и упрека». (Тахо-Годи А. А. Жизнь и судьба: Воспоминания. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 115. (Б-ка мемуаров «Близкое прошлое». Вып. 26).

⁹³ Семенов Л. П. М. Ю. Лермонтов: Статьи и заметки // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология: в 2 т. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. Т. 1. С. 151–153.

с коренными жителями Пятигорска — все это оставило у него тягостное впечатление⁹⁴.

Статьи, в которых развернуты основные положения трактовки личности и творчества Лермонтова, написаны Перцовым в период с 1911-го по 1916 год, преимущественно к юбилейным датам. Для Петра Петровича «черный Владимирский день»⁹⁵ 1841 года, когда русская литература потеряла величайшую из своих надежд, еще печальнее, чем январские дни 1837 года»⁹⁶. Перцов чрезвычайно высоко ценил работы Розанова о Лермонтове и считал, что «в нашей литературе очень немного слов о Лермонтове (если есть), равноценных розановским словам»⁹⁷, вероятно, поэтому в статьях много явных и скрытых розановских реминисценций, которые усложняют создаваемый критиком образ поэта⁹⁸. Тем не менее мысли Розанова в статьях Перцова приобретают новые оттенки и трансформируются в другом контексте. Так, одна из основных идей Розанова о Пушкине — поэте осени, а Лермонтове — весны (Пушкин «обращен к прошлому», Лермонтов — к будущему)⁹⁹ получает в трактовке Перцова

⁹⁴ «Я возвращался в город [15 июля 1914 года с места дуэли]. — Часто тебе приходится ездить сюда? — обращаюсь к извозчику. — Часто. Господа любят кататься. <...> Я спросил, знает ли он, кто такой был Лермонтов? — Офицер, — отвечает он. — Его какой-то военный на дуэли убил. <...> Тут был ему прежде памятник, да его сломали и новый строить будут. — За что ж ему памятник ставить? — Да за дуэль. Убили его тут, вот и памятник ставят. — Как это так, — за дуэль? За это не ставят. — Не знаю, барин. И в городе тоже памятник ему, а за что, — не скажу, не знаю; я так думаю, — за дуэль... Я прекращаю разговор о Лермонтове. (Семенов Л. П. 15 июля 1914 года. (Из записной книжки) // Лермонтовский текст... С. 155.)

⁹⁵ 15 июля (ст. ст.) — день убийства великого поэта совпал с днем памяти равноап. вел. князя Владимира — Крестителя Руси.

⁹⁶ Перцов П. Годовщина Лермонтова (1841–1911) // Новое время. 1911. 15 (28) июля. № 12693. С. 2.

⁹⁷ Перцов П. П. О подразумеваемом смысле нашей монархии: [рецензия на книгу В. В. Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии». СПб., 1913] // Воспоминатели мгновений... С. 275.

⁹⁸ Интертекстуальную насыщенность статей Перцова современный исследователь объясняет «близостью Перцова к эстетике символизма, для которой характерно ощущение реминисценции не как „чужого слова в своем“, а как „своего в чужом“. При таком подходе на первый план выходит не сама идея, ставшая предметом заимствования, а те коннотации, которые она обретает в каждом новом контексте». (Эдельштейн М. Ю. Концепция развития русской литературы 19 века в критическом наследии П. П. Перцова: автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филолог. наук. Иваново, 1997. 18 с.)

⁹⁹ Розанов В. В. «Вечно печальная дуэль» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1996. С. 288–289.

новый смысл: доминирующим признаком лермонтовской поэзии становится «воскресность» и «пасхальность»: «Пушкин был в значительной степени уже „осуществлен“. Напротив, к Лермонтову слишком применимо его же выражение о русском народе: „весь в будущем“»¹⁰⁰. По мысли Перцова, от стихов Лермонтова «веет весенним воздухом», а от стихов Пушкина — «крепким ароматом осени»: «Тайной остается, каким образом мог появиться этот вечно юный, столь близкий к небу поэт в русской литературе непосредственно вслед за другим, изначала — зрелым, столь проникнутым земною стихией? Каким образом эта „весна“ могла прийти за этой „осенью“? И что несет с собою самый факт ее явления — какие великие обетования новых возможностей, после однажды свершенных?»¹⁰¹ В этой статье, написанной к 100-летию юбилею поэта, мысли о религиозности Лермонтова уже сложились у Перцова в лаконичную форму (он и перенес их в «Литературные афоризмы» почти без изменения): «Если считать существом религиозности непосредственное ощущение Божественного элемента в мире — *чувство Бога*, то Лермонтов — самый религиозный русский писатель. Его поэзия — самая весенняя в нашей литературе, — и, вместе, самая воскресная. Отблеск пасхального утра лежит на этой поэзии, вся „мятежность“ которой так полна религиозной уверенности. „Небесное“ было для Лермонтова своей стихией. Именно он умел находить, говоря о нем, такие поэтически точные „окончательные“ слова, какие находит Пушкин, говоря о земном. Когда Лермонтов касается мира бесплотности, самый стих его окрыляется, точно освобождаясь от веса („На воздушном океане“»¹⁰². Именно перед «силой и ясностью врожденного» лермонтовского ощущения Бога (Дурылин называл это его «изначальной религиозностью»), по мнению Перцова, совершенно отстают поздние и мудрые старцы нашей литературы — Достоевский и Лев Толстой. Вся напряженность и глубина их исканий как-то растаивает перед легкими, как небесная синева, стихами [лермонтовской „Молитвы“ („В минуту жизни трудную“)]»¹⁰³.

В дополнение следует сказать о недавней находке петербургского лермонтоведа И. С. Чисовой (ИРЛИ), которая убедительно доказала лермонтовское авторство стихотворения «Христос Воскресе», опубликованного

¹⁰⁰ Перцов П. Годовщина Лермонтова... С. 2.

¹⁰¹ Перцов П. Загадка будущего: (Столетие со дня рождения Лермонтова) // Голос Москвы. 1914. 2 (15) окт. № 226. С. 1.

¹⁰² Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 224–225.

¹⁰³ Перцов П. Загадка будущего... С. 1.

впервые в «Литературной газете» (1840, № 40) за подписью «Л»¹⁰⁴. Исследователю удалось обнаружить его в личном фонде П. И. Бартенева (РГАЛИ), переписанное рукою близкого друга поэта, графини Е. П. Ростопчиной, и подписанное полным именем — Лермонтов. Тщательный стилистический анализ стихотворения, сделанный И. С. Чистовой в синтезе с привлеченными биографическими фактами, указывает на неоспоримое авторство Лермонтова. Вторая часть этого большого стихотворения представляет стихотворное переложение евангельского рассказа о воскресении Христа:

Минувшее открылось предо мною.
Его проник могучий взор души,
И вот оно картиною живою
Рисуется в тиши.

* * *

И в этот миг раздался хор нетленных,
Хор светлых ангелов с небес —
Он возгласил над миром искупленным:
Христос воскрес! Христос воскрес!
Оледеневшая от страха,
Внимая голосу небес,
Упала стража — и, средь праха,
Воскликнула: воистину воскрес!
Так совершилась тайна искупленья —
И гордый враг небес низвержен в прах,
И снова для преступного творенья
Доступна жизнь — и вечность в небесах¹⁰⁴.

Перцов называет Лермонтова «поэтом Воскресения, христианином насквозь» оттого, что «у него не только нет страха смерти, <...> но нет даже мысли о ней — никакого ее чувства. „Смерть, где жало твое?“ Чувство жизни — *Вечной Жизни*, — и отсюда полное равнодушие к „переходу“»¹⁰⁵. И в этом смысле Лермонтов — редчайшее явление русской литературы, если учитывать тот ужас перед смертью, который испытывали Гоголь, Тургенев, Лев Толстой. Розанов считал, что начало вообще всех страхов в мире — смерть. В отличие от них Лермонтов «принимает свой „довременный конец“ как что-то законное и неизбежное»,

---

¹⁰⁴ Чистова И. С. И все-таки Лермонтов? // Русская речь. 1995. № 6. С. 25–32.

¹⁰⁵ Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 224.

и только у Достоевского было похожее отношение к смерти. Но для Лермонтова иной мир был не только предметом стремлений, но и ощущением его объективной реальности, поэтому, по мнению Перцова, «Лермонтов — лучшее удостоверение человеческого бессмертия. Оно для него не философский постулат и даже не религиозное утверждение, а простое *реальное* переживание. <...> Мошь личного начала (величайшая в русской литературе) сообщала ему ощущение всей жизни личности: и до, и во время, и после „земли“. <...> Он знал бессмертие раньше, чем наступила смерть»¹⁰⁶. Здесь истоки того, считает Перцов, что Лермонтов не дорожил своим поэтическим призванием:

Пуškai толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец *терновый!*.
Пуškai! я им не дорожил.
I, 384

«„Призвание“, т.е. положение в перспективах „этого“ мира, в условиях „земли“, было для него нечто столь же второстепенное, столь же „подчиненное“, как и остальные из этих условий. <...> Недаром он и „венец певца“ так некстати назвал „терновым“, т.е. придал ему определение из других „измерений“»¹⁰⁷. В отличие от Пушкина, считает Перцов, для которого «венец мог быть только лавровым, Лермонтов всегда прислушивался только к „голосу Бога“ внутри себя и, ничем не развлекаемый извне, выносил его на свет в наибольшей, доступной людям цельности и чистоте и не думал об этой отраженной жизни — только в „заветной лире“. <...> Сама лира была для него лишь выражением иного „завета“». Поэтому не может представить Петр Петрович Лермонтова, в отличие от «журналиста Пушкина», «в роли редактора журнала. Это слишком „из трех измерений“»¹⁰⁸.

Перцов размышляет над вопросом, который не приходил в голову ни одному из мыслителей того времени, писавших о поэте: «...было ли это будущее [Лермонтова], действительно, „посюсторонним“ — будущим несвершившихся *литературных* возможностей, или же это было уже веяние „миров иных“, простор нездешних пространств, и слишком ощущавший его, слишком тянувшийся к нему поэт, самый „мистический“ из наших поэтов, ни в чем не обманул нас и ничего не унес от нас преждевременно»¹⁰⁹. Справедливость этого вопроса видна в контексте

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Перцов П. Годовщина Лермонтова... С. 2.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

христианского учения о смерти, которая наступает для человека в самый подходящий для вечности момент, когда он достиг предела жизни, какой предопределен Богом для совершения уготованного ему дела. Именно так, весьма неожиданно для лермонтоведения (и старого, и нового), смотрит на смерть великого поэта профессор Свято-Троицкой семинарии (Джорданвилль, США) И. М. Андреев в своем очерке, написанном на стыке филологии, философии, психологии и богословия: «Господь сжалился над грешной душой поэта, так мучительно всю жизнь тосковавшей по небу и так безнадежно привязанной к земле, и послал ему смерть без страдания, *в лучший момент его жизни*, когда он перед лицом ожесточенного и злобного врага, улыбаясь, смотрел на небо и горы, готовясь выстрелить в воздух. Очень возможно, что, глядя с улыбкой на небо, он вновь видел в нем Бога и безмолвно молился Ему тоскующим сердцем. <...> Если с обыденной человеческой точки зрения смерть 26-летнего гениального поэта была трагически бессмысленна, то с *религиозной точки зрения* — она должна быть признана глубоко осмысленной и знаменательной»¹¹⁰.

В ходе своих размышлений Петр Петрович склоняется к мнению, что «„земной“ путь Лермонтова был внутренне свершен. Те обещания, которыми мерцает его поэзия, вряд ли относятся к ее „здесьним“ возможностям. В „будущем“, которое в ней чувствуется, лежало, может быть, не столько будущее самого поэта, сколько привнесенных им с собою обетований»¹¹¹. И эти обетования Перцов связывает с судьбой России, перед которой «полная религиозного трепета поэзия Лермонтова точно разворачивает даль иного, зачинающегося будущего»¹¹². В «Литературных афоризмах» эта мысль обретает законченную форму: «Стихи Пушкина — царские стихи; стихи Лермонтова — пророческие стихи. Пушкин — золотой купол Исаакия над петровской Россией, но *только над ней*. Не он, а Лермонтов — великое обетование»¹¹³. У Лермонтова после его кончины нашли в записной книжке, подаренной ему князем В. Ф. Одоевским, запись загадочную и на первый взгляд странную для автора «Песни о купце Калашникове...» и «Бородино», но и изумительную по устремленности в великое будущее России: «У России

---

¹¹⁰ Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов. Основные особенности личности и творчества гениального поэта // Русские писатели XIX века: очерки по истории русской литературы. М.: Изд. Дом «Русский паломник», 2009. С. 205–206.

¹¹¹ Перцов П. Загадка будущего... С. 1.

¹¹² Там же.

¹¹³ Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 215.

нет прошедшего: она вся в настоящем и будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и семьдесят богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия» (IV, 350). «Если, по слову Лермонтова, „Россия вся в будущем“, — заключает Перцов, — то сам он, больше, чем кто-нибудь, ручается за это будущее»¹¹⁴.

По одной из главных мыслей Перцова-критика творчество каждого писателя (шире — художника) определяется степенью воплощения своей главной идеи. Он считал, что Лермонтову это удалось во всей полноте. «Лермонтов отличается между всеми нашими поэтами, прежде всего, абсолютностью своих тем и всего духа своего творчества, — пишет Перцов. — На всей его поэзии лежит отпечаток „вечности“, и о чем бы он не писал, всегда кажется, что он вещает о потерянном рае. В этой абсолютности творчества Лермонтову уступают даже Гоголь и Достоевский. У первого эта „предельность“ тем всегда замаскирована или фантастически-сказочным элементом (первые повести), или маской быта; у второго же она переходит уже в явную схематичность. Один Лермонтов имел силу выдержать всю требовательность своего творчества»¹¹⁵.

Но «близкий к Небу», Лермонтов знал и внимательно наблюдал жизнь, замечая даже такие детали, как «полное гумно» и «резные ставни». В то же время жизнь и окружающие люди оставались для него, по пронизательному замечанию Ю. Ф. Самарина, «чем-то совершенно внешним». Перцов объясняет это исключительным сочетанием знания и нелюбви и видит в нем основную трагедию поэта: «Лермонтов знал жизнь и не любил ее. Это сочетание почти никогда не встречается. Лермонтов рисовал мир с яркостью и правдивостью Пушкина, — и был внутренне чужд ей, как Гоголь. В этом заключается корень его жизненной трагедии»¹¹⁶. В результате, по мнению Перцова, постоянно находясь в конфликте с окружающими, Лермонтов вынужден был защищать свой внутренний мир, «целомудрие души, поглощенной всегдашним ощущением Абсолютного, эта полудобровольная вражда создала или помогла ему создать тоже полудобровольный уход из жизни»¹¹⁷. В конце статьи «Трагедия Лермонтова» вывод, сделанный Перцовым,

---

¹¹⁴ Там же. С. 225.

¹¹⁵ Перцов П. Трагедия Лермонтова... С. 337.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

вызывает некоторое недоумение своей парадоксальностью в духе Розанова: «Темперамент художника-наблюдателя тянул Лермонтова к людям, но любить их мешала ему основная в нем — „с Небом гордая вражда“»¹¹⁸. Здесь сказалось характерное для подавляющей части интеллигенции Серебряного века непонимание или неприятие основ духовной жизни. В душе человека не может сочетаться целомудрие и «вражда с Небом». «Сердце, — по определению свт. Николая Сербского, — это средоточие души»¹¹⁹, и, значит, целомудрие души — это чистота сердца. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8). Современник Перцова, священник Павел Флоренский писал в своей диссертации «Столп и утверждение истины»: «Сердце — это очаг духовной жизни нашей, и одухотвориться — это значит не иное что, как „уцеломудрить“ свое сердце»¹²⁰.

И тут надо сказать об истоках весьма распространенного представления о «богоборчестве» Лермонтова, как правило, подкрепляемого указанной Перцовым цитатой из VI редакции «Демона». В канонической (последней) VIII редакции поэмы Лермонтов исключает эту фразу, словно предчувствуя, что она впоследствии станет главной в обвинении его в богоборчестве и даже в атеизме (советская критика). А вот в каком контексте эта фраза присутствует в VI редакции: автор, описывая «странную» улыбку (только улыбку!) мертвой Тамары, пытается понять ее смысл, признавая в конце концов, что значение ее для живущих уже утрачено:

...Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,

---

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Николай Сербский, свт. Толкование заповедей блаженства. Клин: Христианская жизнь, 2011. 50 с.

¹²⁰ Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в 12 письмах. М.: Путь, 1914. С. 271.

Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след...
VI ред. II, 519 (курсив мой. — С. Т.)

Началось все с В. Г. Белинского, упомянувшего эту фразу в письме к В. П. Боткину от 17 марта 1842 года. «Неистовый» критик был знаком с поэмой в VI редакции, получившей распространение в списках. VIII (каноническая) редакция, где этих слов нет, опубликована только в 1856 году в Германии, когда Белинского уже не было в живых. «Лермонтов далеко уступит Пушкину в художественности и виртуозности, в стихе музыкальном и упруго-гибком, — пишет Белинский, — <...> но содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей природы, исполинский взмах, демонский полет — с небом гордая вражда — все это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который, по содержанию, шагнул бы дальше Пушкина...»¹²¹ Как видим, Белинский приводит слова *без кавычек* и *выделяет* их, подчеркивая тем самым богоборческую суть творчества и личности поэта и прямо искажая смысл, заложенный Лермонтовым в описании улыбки Тамары. (Справедливости ради надо отметить, что атеист Белинский видел в поэме не столько мистический, сколько социальный аспект.) Против такой трактовки, прямолинейно отождествляющей мировоззрение Лермонтова с сущностью Демона, категорически выступал в своих лекциях профессор И. М. Андреев¹²², приводя в пример и эту фразу из VI редакции, взятой на вооружение левой критикой. В наши дни духовный писатель и лермонтовед монах Лазарь (Афанасьев) отмечал, что атеистическое мировоззрение, как правило, уводит исследователя на ложные пути в постижении творений Лермонтова, в результате происходит искажение и образа поэта: «...на Лермонтова много клеветали, — нет числа „трудом“ литературоведов и даже философов, где поэт отождествляется с Демоном. Ему беззастенчиво приписывали (вплоть до изданной дважды „Лермонтовской энциклопедии“) речи персонажей его произведений (отовсюду — из „Вадима“, из „Героя нашего времени“, из всех его поэм). <...> Я не называю имен исследователей, а там есть весьма известные...»¹²³ Удивительно также

---

¹²¹ Белинский В. Г. Письмо Боткину В. П., 17 марта 1842 г., Петербург // Он же. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: Гослитиздат, 1941. С. 238.

¹²² Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов... С. 168–170.

¹²³ Лазарь (Афанасьев), мон. На высотах духа. Горы в сочинениях М. Ю. Лермонтова: этюд // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М. Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 288–289.

и то, что эту фразу в том контексте, в каком она приведена у радикально настроенного лидера либеральной критики, взяли для толкования лермонтовского «богоборчества» некоторые критики Серебряного века, всей своей деятельностью боровшиеся с позитивизмом. Остается только воскликнуть вслед за поэтом: «Увы! злой дух торжествовал!» (II, 398). Перцов, отличавшийся незаурядным философским умом, сумел преодолеть это противоречие и пришел в итоговой работе «Литературные афоризмы» к другому заключению, отметив, что в Лермонтове «боролись ангельское и демонское начала с преобладанием первого»¹²⁴.

Для Перцова Лермонтов олицетворяет *новозаветное* начало («настоящая гармония Божественного и человеческого — момент *совершенства*, <...> отношение к Богу — отношение сына к Отцу»), в то время как Гоголь — *ветхозаветное* («еще природный человек, — в вечном смятении перед Богом, как ветхозаветный иудей»), а Толстой — *апостасийное* («соблазн Толстого — „лаодикийский“, космический соблазн. <...> „Неверие во Христа пришедшего“ — признак, по которому ап. Иоанн указал нам отличать дух антихристов, определенно характеризует Толстого»)¹²⁵. В «Литературных афоризмах» в VI разделе «Лев Толстой» Перцов отмечает, что «явление Антихриста, очевидно, более всего угрожает нам — в связи, вероятно, с „гуманитарными“, толстовскими элементами русской души», и заканчивает такими словами: «Борьба между духом Лермонтова и духом Толстого — вот ожидающая нас наша религиозная борьба»¹²⁶.

В статье «Будущий Лермонтов», написанной к 75-летию гибели Лермонтова, Перцов размышлял о возможных путях дальнейшей эволюции творчества поэта. Здесь есть существенные отличия от трактовки образа поэта в предыдущих статьях. Так, тема «замаскированного самоубийства» заменена темой «безвременной гибели великой нашей надежды». (Отметим, что в «Литературных афоризмах» прежняя тема опять присутствует.)

Кроме того, появляется новый тезис о «глубоком душевном кризисе», переживаемом поэтом в последние месяцы жизни, во многом напоминающем подобный кризис, пережитый ближайшим духовным наследником Лермонтова — Львом Толстым. Перцов предполагает, что этот кризис привел бы «величайшего из русских индивидуалистов к возможной

---

¹²⁴ Перцов П. П. Литературные афоризмы... С. 216.

¹²⁵ Там же. С. 212–236.

¹²⁶ Там же. С. 235.

внутренней метаморфозе. Сущность этого кризиса может быть выражена именно как выход из заколдованного круга, единой, собственной личности, приятие в себя внешнего множественного мира. *Борьба единства и множества* — так может быть охарактеризован тот мучительный психологический процесс, который... сделал из автора „Детства, отрочества и юности“ (*моего детства, моего отрочества, моей юности*) автора „Войны и мира“ и „Анны Карениной“. В лабиринт того же самого процесса уже начал вступать автор „Демона“ и Печорина»¹²⁷.

Если раньше Перцов рассматривал Лермонтова преимущественно как поэта, близкого к Небу, всем своим творчеством вещающего о потерянной небесной отчизне, даже будущее которого виделось критику в «просторе нездешних пространств», то теперь он говорит о будущем «несвершившихся *литературных* возможностей» Лермонтова, находившегося в последний период своей жизни на «переломе от романтизма к реализму, к многосложным картинам окружающего мира»: «В Лермонтове в последние годы, даже месяцы его жизни, все яснее сказывался объективный художник, которого от портрета лирического пейзажа начинало тянуть к пейзажу реальному и наконец просто к жанру. Творец Печорина, уже нарисовавший Максима Максимыча и доктора Вернера, не говоря о женских типах, должен был в дальнейшем все более заинтересоваться всем психологическим разнообразием „внешней“ среды»¹²⁸.

В результате своих размышлений Перцов приходит к убеждению, что «будущего Лермонтова, которого унесла от нас вечно печальная и вечно проклятая дуэль, нужно представлять более *прозаиком*, нежели поэтом. [На это указывают] ранний переход Лермонтова к прозе и то совершенство, с каким он *сразу* овладел этой формой. <...> К своим 26-ти годам он уже написал страницы русской прозы, которые, несмотря на такое соперничество раньше и позже, остались непревзойденными („Тамань“). В том же возрасте (к 1825 году) Пушкин не только не написал еще большого романа, но даже почти и не пробовал себя как прозаик»¹²⁹.

Остановившись на задуманном поэтом цикле романов из эпохи Екатерины II и Александра I, о чем Лермонтов говорил Глебову перед дуэлью, Перцов пишет, что «так легко представить себе интерес Лермонтова к Потемкину и ко всему блестящему веку Екатерины и ее „орлов“...

¹²⁷ Перцов П. «Будущий» Лермонтов: (К 75-летию со дня смерти) // Новое время. 1916. 15 (28) июля. № 14496. С. 4.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

В русской литературе осталась бы чудесная эпопея той эпохи чудес, какую уже не могли и даже не пытались создать позднейшие, гораздо более „штатские“ и далекие от первоначального кипения творчества писатели. Лермонтов был последним, над кем горела эта заря героизма в нашей литературе¹³⁰, и из-под его золотого пера могли родиться страницы такого родного эпоса, который мы в праве были бы назвать нашей „Илиадой“»¹³¹.

Петр Петрович уверен, что Лермонтов был способен отразить «многообразную картину объективного мира, которая требует для себя „охлажденных“ и сложных приемов прозаической речи»¹³². Сама поэзия Лермонтова, по пронизательному наблюдению историка литературы русского зарубежья П. М. Бицилли, «насыщена элементом, почитаемым принадлежностью прозы, — интеллектуализмом. Это — поэзия человека, которому мало чувствовать, созерцать, переживать, который желает понимать, объяснять, определять. <...> Его словарь изобилует философскими терминами, „научными“ словами и выражениями»¹³³. Философ В. Ф. Асмус, высоко ценивший творчество Лермонтова, подчеркивал в нем именно философскую составляющую: «Лермонтов — поэт глубокой, напряженной и страстной мысли. Мысль эта — самый важный, наиболее четко сформулированный и продуманный тезис его философских размышлений. <...> Формулы, в какие отливается эта мысль, поражают своей силой, законченностью, сконцентрированной в ней потенциальной философской значительностью. <...> Вместе с Лермонтовым преждевременно погиб ум огромной потенциальной философской силы и первоклассный в потенции эстетик»¹³⁴.

По мнению Перцова, в житейских чертах реального пейзажа в «Родине» «уже совсем просвечивает Некрасов». Конечно, это всего лишь мимолетное замечание, по которому нельзя предположить, что Перцов «поэта мысли» Лермонтова «отправил» по пути Некрасова. Большинство мыслителей (В. В. Розанов, Вяч. Иванов, А. Ф. Лосев,

---

¹³⁰ См.: Перцов П. П. Убыль героизма // Панрусизм или панславизм? М., 1913. С. 23–44.

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Бицилли П. Место Лермонтова в истории русской поэзии // Избранные труды по филологии. М.: Наследие, 1996. С. 456–478.

¹³⁴ Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. ИРЛИ (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 83–128. (Лит. наследство. Т. 43/44).

Вл. Ильин, С. Н. Дурылин... etc.) видели в Лермонтове «будущего Достоевского»¹³⁵. Дурылин при этом делает оговорку: «„Достоевский“ в Лермонтове, живи [он] до 40 лет, был бы целостней, прекрасней, совершеннее того Д[остоевско]го, который жил отдельно в 60–70-е гг.»¹³⁶. Перцов присоединял имя «будущего» Лермонтова к группе прозаиков: Достоевский, Толстой, Гончаров, Тургенев, но видел в нем скорее Льва Толстого, считая, что он «отчасти осуществил предполагаемую мечту Лермонтова, создав эпопею 1805–1812 гг.»¹³⁷. Петр Петрович был уверен, что будущий Лермонтов, оставив окончательно демоническую тему, «разворачивал бы карандашные силуэты „Героя нашего времени“ в богатую галерею масляной живописи»¹³⁸.

Розанов, всегда внимательно следивший за публикациями Перцова, почти мгновенно откликается на статью «Будущий Лермонтов» небольшим эссе «О Лермонтове»¹³⁹, которое воспринимается как восторженный гимн поэту¹⁴⁰. Заметив, что «Перцов пишет хорошо, но недостаточно», Розанов вступает с ним в полемику, предлагая свое видение «будущего Лермонтова-поэта «духовным вождем народа», который сочетает в себе непрестанную молитву и созерцательность, отшельничество и безмолвие, аскетизм и высокий поэтический дар и творит в высоких библейских традициях, создавая «Священную книгу России». Поэтому смерть такого несвершившегося духовного вождя воспринимается Розановым как сакральная трагедия для Отечества: «Час смерти Лермонтова — *сиротство России*»¹⁴¹. Но, плача о Лермонтове, Розанов предлагает «простить общему русскою душою „несчастливого Мартынова“. Ведь он нес в душе 40 лет сознание „быть Каином около Авеля“. Бедный, бедный Мартынов! „Миша“ ему бесспорно простил...»¹⁴²

Петра Петровича возмутил призыв Розанова к прощению Мартынова, и он публикует свой резкий ответ в рубрике «Маленький фельетон». «Если состоится такое прощение, — пишет Перцов, — то прошу меня исключить из „общей души“. Я предпочитаю лучше остаться бездушным, нежели малодушным. А такое „отпущение“ было бы именно

¹³⁵ См.: Розанов В. В. «Вечно печальная дуэль»...

¹³⁶ Дурылин С. Н. В своем углу... С. 531.

¹³⁷ Перцов П. «Будущий» Лермонтов... С. 4.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Розанов В. В. О Лермонтове // Новое время. 1916. 18 (31) июля. № 14499. С. 4–5.

¹⁴⁰ Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в литературно-критическом наследии В. В. Розанова... С. 168–172.

¹⁴¹ Розанов В. В. О Лермонтове... С. 5.

¹⁴² Там же.

проявлением коллективного слабодушия, к сожалению особенно свойственного нам, русским. <...> Мне эти вселенские объятия кажутся слишком широкими. <...> Если действительно никто не виноват и все правы, то не о чем и толковать, а остается только целоваться налево и направо»¹⁴³.

Перцов сравнивает убийц наших гениев и приходит к выводу, что «попытку защитить д'Антеса можно понять <...> Что „не мог щадить он нашей славы“ — это тоже довольно извинительно, если припомнить, что убийца Пушкина вряд ли мог и читать по-русски, разве по складам...»¹⁴⁴. Но Мартынов, по мнению Перцова, не имеет никаких оправданий: «Повод для дуэли был пустой; Мартынов не только был грамотен по-русски, но даже сам пописывал какие-то а la Лермонтов „разочарованные“ стишки. <...> Для меня отвратителен этот самодовольный, напыщенный собою и ограниченный офицерик, этот настоящий „медный лоб“, который, *не умея* ответить остроумно на шутку приятеля, тащит его к барьеру и здесь поспешно „палит“ в него с очевидным прицелом, с очевидным желанием „всадить пулю“. Ведь никто не мешал ему взять на вершок в сторону. Говорят, Мартынов не умел стрелять; но *целиться* он, к сожалению, прекрасно умел. Допустимо, что он не хотел убить Лермонтова, но *ранить* его он хотел несомненно»¹⁴⁵.

Петр Петрович отмечает, что, судя по поведению Мартынова, никакого раскаяния у него не было: «„Montagnard au grand poignard“¹⁴⁶ вряд ли был органически способен понять, что он совершил. Но под старость пришлось снять длинную черкеску и „большой кинжал“, — осталась зато какая-то тень таинственности — „запирается в день дуэли“...»¹⁴⁷ В конце статьи сарказм сменяется горьким сожалением о незаменимой потере: «Нет, как вспомнишь роковую минуту у подножия Машука, когда одно легкое движение руки могло *все* сохранить для нас и навсегда... Одно только легкое отклонение вправо!.. Но — „Пустое сердце бьется ровно, / В руке не дрогнет пистолет...“ Нет, я не хочу обниматься с Мартыновым!..»¹⁴⁸

---

¹⁴³ Перцов П. Прощать ли Мартынова? (Маленький фельетон) // Новое время. 1916. 1 (14) авг. № 14513. С. 3.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ «Горец с большим кинжалом» (фр.).

¹⁴⁷ Перцов П. Прощать ли Мартынова?.. С. 3. Известно, что именно из окружения Мартынова явились всевозможные легенды о несносном характере Лермонтова, который сам-де напрашивался на дуэль. На этом фоне Мартынов ежегодно заказывал панихиды в день смерти Лермонтова и, как рассказывают близкие, запирался в своем кабинете и никого не принимал.

¹⁴⁸ Там же.

Этой статьей заканчивается лермонтовский цикл Перцова, который до сего дня ждет своего издателя и своих читателей, способных оценить глубину самобытной мысли талантливого критика и ясность его афористического стиля.

В концепции Перцова просматриваются две тенденции: *первая* нашла отражение в статьях 1909–1914 годов и синтезирована в «Литературных афоризмах»; в ней доминирует образ Лермонтова как поэта Воскресения, самого религиозного русского писателя, на пасхальной поэзии которого лежит отпечаток вечности. Его земной путь закончился «замаскированным самоубийством», оттого что «был внутренне свершен». Поэт принес России «великие обетования» зачинающегося будущего. *Вторая* тенденция представлена в статье «„Будущий“ Лермонтов» (1916), где преобладает мотив «безвременной гибели» и «несвершившихся литературных возможностей» Лермонтова-прозаика, способного создавать эпические произведения гомеровского типа, поскольку он был «последним, над кем горела заря героизма в нашей литературе».

Перцов писал Розанову в 1915 году: «Писатели „нашего“ лагеря никогда и никак не издаются и, печатаясь (распыляясь) по газетам etc., в конце концов затеривается и на ½ пропадают для читателя. <...> У меня накопилось, наверное, на том, а то 2 чисто литерат<урных> статей, к<о-то>рые очень бы недурно издать. Но я и подумать не могу...»¹⁴⁹ Не мог он подумать в то время и о том, до какой степени будут неуютны «писатели „нашего“ лагеря» новой власти, воцарившейся в России в 1917 году. Жил Петр Петрович в Костромской губернии, в крайней нужде, бывая в Москве лишь наездами, печатали его мало. Из дневниковой записи Дурьлина (1926) видна вся бедственность его положения: «Я очень люблю Перцова. Он напоминает мне В. В-ча [Розанова]: такой же маленький, седенький... Он читал о раннем символизме. Стоит у стенки. Кругом все чужие, — и его „были“: „Философские течения“, „Новый путь“, „Мир искусства“ — им „баснословье“, — и скучное баснословье. Прочел два доклада о русском символизме, и так как не „научный сотрудник“, то ничего не заплатили. А есть нечего. Из имущества — только архив, где письма всего „русского символизма“ и 700 — Василия Васильевича! Но это никому не нужно: за все в Румянцевском Музее дают 200 р. — по... гривеннику за письмо!.. Подал в КУБУ просьбу о пенсии. Требуют на рассмотрение его „Историю искусств“ (рукопись). Он беспомощен»¹⁵⁰.

---

¹⁴⁹ Перцов — Розанову. Москва. 3 октября 1915 // Воспоминатели мгновений... С. 174.

¹⁵⁰ Дурьлин С. Н. В своем углу... С. 180–181.

В 1920–1940-х годах Перцов работает в основном над «Историей русской живописи», «Литературными афоризмами» и философским трудом «Основания космономии». Все эти работы изданы не были. Увидели свет только «Литературные воспоминания. 1890–1902 гг.» (1933), «Ранний Блок» (1922), переписка с Брюсовым (1926–1927) и несколько художественных путеводителей (1921–1925).

Огромной поддержкой для Перцова в этот тяжелый период (1930–1947) была дружба с Дурылиным, который полностью оправдал характеристику, данную ему Розановым в последнем письме к Перцову: «Дурылин — на редкость человек»¹⁵¹. Деликатный Сергей Николаевич помогает ему материально, но так, чтобы не задеть его достоинство, помня, что Петр Петрович воспитан в дворянских традициях. Дурылин покупает часть его богатейшей библиотеки (но, оплатив покупку, оставляет книги у Петра Петровича) и письма Розанова (заплатив гораздо больше, чем Перцову предлагал Румянцевский музей), помогает с публикациями статей, с успехом хлопочет о назначении пенсии: «Вчера я был у Мих<аила> Вас<ильевича>...: — в „Цекубу“ дело Ваше решено, — Вам назначена пенсия в размере 100 руб. в месяц, и с 1-го мая Вы можете ее получать“. <...> Славлю это 1-е мая от души!»¹⁵².

«Отсутствие возможности сколько-нибудь сосредоточенной работы», жестокая материальная нужда, «звериное одиночество» вызывают у Петра Петровича приступы уныния и тоски, о чем он пишет своему «сомыслящему» другу. Дурылин в ответ находит слова любви и утешения: «...пока я жив, не хочу, чтобы Вы думали, что Вы — в пустыне. Мы с Вами последние из тех, кто мыслью и мечтою, идущей еще от Хомякова и Киреевского, — и пока мы любим друг друга (а это есть и это будет), — ни Вы, старый друг, ни я, младший Ваш сверстник, не можем, не должны говорить, что „я — один в пустыне“. Да, в пустыне, но не один, а вдвоем и даже втроем (я не отделяю себя от Ирины, а мои друзья — это ее друзья), а там, где собраны вместе любовью, Вы знаете, Кто обещал быть „посреди их“»¹⁵³. После смерти П. П. Перцова (19 мая 1947 года) по инициативе Сергея Николаевича Дурылина был подготовлен некролог и направлен в «Литературную газету», но публикация его была отклонена.

---

¹⁵¹ Розанов — Перцову 17 сентября 1918 г. Сергиев Посад // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 81.

¹⁵² Дурылин — Перцову 13 апреля 1927 г. // *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: морфология недостроенной системы... С. 256.

¹⁵³ Дурылин — Перцову. Новолетие и Рождество (12 янв.). 1943 г. Болшево // *Торопова В. Н.* Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 310. («Жизнь замечательных людей». Малая серия. Вып. 73).

Источники и литература

1. Андреевский С. А. Лермонтов. Характеристика // Философские течения русской поэзии. Избранные стихотворения и критические статьи / сост. П. Перцов. СПб.: Типография М. Меркушева, 1896. С. 131–150.
2. Андреев И. М., проф. М. Ю. Лермонтов. Основные особенности личности и творчества гениального поэта // Русские писатели XIX века: очерки по истории русской литературы. М.: Изд. Дом «Русский паломник», 2009. С. 109–206.
3. Лазарь (Афанасьев), мон. На высотах духа. Горы в сочинениях М. Ю. Лермонтова: этюд // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М. Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 280–290.
4. Архипов В. А. М. Ю. Лермонтов. Поэзия познания и действия. М.; Л.: Наука, 1965. 664 с.
5. Асмус В. Ф. Круг идей Лермонтова // М. Ю. Лермонтов / АН СССР. ИРЛИ (Пушкин. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. I. С. 83–128. (Лит. наследство. Т. 43/44).
6. Белинский В. Г. Письмо Боткину В. П., 17 марта 1842 г. Петербург // Он же. М. Ю. Лермонтов: Статьи и рецензии. Л.: Гослитиздат, 1941. С. 238.
7. Бицилли П. Место Лермонтова в истории русской поэзии // Избранные труды по филологии / сост., подгот. текст. и коммент. В. М. Вомперского, И. В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. С. 456–478.
8. Бухштаб Б. Я. «Благодарность» // Лит. наследство. Т. 58. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 406–410.
9. Висковатов П. А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. 494 с. (Сер. «Б-ка любителей российской словесности»).
10. Воспоминатели мгновений: переписка и взаимные рецензии Василия Розанова и Петра Перцова. 1911–1916 / изд. подгот. Андрей Дмитриев и Андрей Федоров. СПб.: ООО «Изд-во „Росток“», 2015. 447 с.
11. Горланов Г. Е. «Благодарность» Лермонтова и Православие // «Люблю отчизну я...» Пенза, 2012. С. 117–127.
12. Дунаев М. М. Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841) // Православие и русская литература. М.: Христианская литература, 2001. Ч. 2. С. 312–386.
13. Дурьлин С. Н. В своем углу / сост. и прим. В. Н. Тороповой; предисл. Г. Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с. (Б-ка мемуаров «Близкое прошлое». Вып. 21).
14. Константин (Зайцев), архим. Лермонтов (1814–1841) // Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. С. 719–720.
15. Ильин В. Н. М. Ю. Лермонтов // Арфа Давида: религиозно-философские мотивы русской литературы. СПб.: Русский миръ, 2009. С. 76–90.
16. Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: в 4 т. М.: Наука, 1979–1981.
17. Нестор (Кумыш), игум. Тайна Лермонтова. СПб.: СПб ГУ, 2011. 544 с.
18. Лавров А. В. П. П. Перцов // Русские писатели. 1800–1917: биогр. словарь / гл. ред. П. А. Николаев. Т. 4 (М–П). М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 561–565.

19. М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. 672 с. (Литературные мемуары).
20. Максимов Д. Е. Поэзия Лермонтова / АН СССР. М.; Л.: Наука. 1964. 266 с.
21. Мартыянов П. К. Дела и люди века: Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. Т. 2. СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1893–1896. 375 с.
22. Мерещковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М. Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 348–387. («Русский путь»).
23. Николькин А. Н. Розанов. М.: Мол. гвардия, 2001. 512 с. («Жизнь замечательных людей». Вып. 788).
24. Перцов П. «Будущий» Лермонтов: (К 75-летию со дня смерти) // Новое время. 1916. 15 (28) июля. № 14496. С. 4.
25. Перцов П. П. Воспоминания о В. В. Розанове / публ. В. Сукача // Новый мир. 1998. № 10.
26. Перцов П. Гр. А. К. Толстой // Философские течения в русской поэзии / сост. П. Перцов. СПб.: М. Меркушев, 1896. С. 209–230.
27. Перцов П. Гр. А. А. Голенищев-Кутузов // Философские течения в русской поэзии / сост. П. Перцов. 2-е изд. СПб.: М. Меркушев, 1899. С. 363–378.
28. Перцов П. Годовщина Лермонтова (1841–1911) // Новое время. 1911. 15 (28) июля. № 12693. С. 2.
29. Перцов П. Загадка будущего: (Столетие со дня рождения Лермонтова) // Голос Москвы. 1914. 2 окт. № 226. С. 1
30. Перцов П. «Загадка» Лермонтова // Новое время. 1909. 15 (28) июля. № 11975. С. 3.
31. Перцов П. Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. / предисл. Б. Ф. Поршнева. М.; Л.: Academia, 1933. 322 с.
32. Перцов П. Литературное крохоборство // Новое время. 1915. 3 (16) окт. № 14212. С. 11–12.
33. Перцов П. Нечто о Лермонтове // Новое время: ил. прил. 1914. 11 (24) окт. № 13859. С. 333.
34. Перцов П. Н. П. Огарев // Философские течения в русской поэзии / сост. П. Перцов. СПб.: М. Меркушев, 1896. С. 161–171.
35. Перцов П. Прощать ли Мартынова? // Новое время. 1916. 1 (14) авг. № 14513. С. 3.
36. Перцов П. Трагедия Лермонтова // Новое время: ил. прил. 1914. 18 (31) окт. № 13860. С. 337.
37. Перцов П. П. Литературные афоризмы // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 212–236.
38. Перцов П. П. «Судьба» Пушкина // 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра

Перцова / сост. А. П. Дмитриева; изд. подгот. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб.: ООО «Родник», 2014. С. 240–242.

39. *Ратников К. В.* Критическая оценка С. П. Шевыревым творчества М. Ю. Лермонтова (Пересмотр прежних литературоведческих стереотипов) // Степан Петрович Шевырев и русские литераторы XIX века. Челябинск: Околица, 2007. Ч. 2. С. 40–61.

40. *Резниченко А. И.* П. П. Перцов: морфология недостроенной системы (1897–1947) // *Она же.* О смыслах имен: Булгаков, Лосев, Флоренский, Франк et dii minores. М.: Изд. дом РЕГНУМ, 2012. С. 253–300.

41. *Резниченко Анна.* Сергей Дурьлин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // Сергей Дурьлин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 463–487.

42. *Розанов В. В.* «Вечно печальная дуэль» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 287–299.

43. *Розанов В. В.* В чем главный недостаток «наследства 60–70-х годов» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 168–178.

44. *Розанов В. В.* О Лермонтове // Новое время. 1916. 18 (31) июля. № 14499. С. 4–5.

45. *Розанов В. В.* С. А. Андреевский как критик // Новое время. 1903. 1903. 27 сент. (10 окт.) № 9901. С. 2.

46. *Розанов — Перцову 17 сентября 1918 г.* Сергиев Посад // Литературная учеба. 1990. № 1. С. 81.

47. *Розанов В. В.* Уединенное / сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. 543 с. (Мыслители XX века).

48. *Сахарова О. В.* Стихотворение М. Ю. Лермонтова «Благодарность» в контексте святоотеческой молитвенной традиции // Собор. Альманах религиоведения: светские и религиозные семейные ценности в контексте истории и современности. Вып. 11. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 105–109.

49. *Семенов Л. П.* М. Ю. Лермонтов: Статьи и заметки // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова: Антология: в 2 т. / под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. Т. 1. С. 151–157.

50. *Николай Сербский, свт.* Толкование заповедей блаженства / пер. Н. Феофановой. Клин: Христианская жизнь, 2011. 50 с.

51. *Сиротин В. И.* Лермонтов и христианство // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М. Ю. Лермонтова. М.: Изд. Дом «К единству», 2010. С. 184–233.

52. Соловьев В. С. Лермонтов // *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
53. Телегина С. М. Личность и творчество М. Ю. Лермонтова в литературно-критическом наследии В. В. Розанова // *Христианское чтение*. 2015. № 4. С. 121–185.
54. Торопова В. Н. Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014. С. 310. («Жизнь замечательных людей». Малая серия. Вып. 73).
55. 1900 год в неизвестной переписке, статьях, рассказах и юморесках Василия Розанова, Ивана Романова-Рцы и Петра Перцова / сост. А. П. Дмитриева; изд. подгот. А. П. Дмитриева и Д. А. Федорова. СПб.: ООО «Родник», 2014. 928 с.
56. Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в 12 письмах. М.: Путь, 1914. 809 с.
57. Чистова И. С. И все-таки Лермонтов? // *Русская речь*. 1995. № 6. С. 25–32.
58. Щерблыкин И. П. Страницы лермонтоведения: интерпретация, анализы, полемика. Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2003. 139 с.
59. Эдельштейн М. Ю. Концепция развития русской литературы 19 века в критическом наследии П. П. Перцова: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Иваново, 1997. 18 с.

Svetlana Telegina. The Person and Works of Mikhail Lermontov as Viewed by Pyotr Pertsov.

Pyotr Pertsov (1868–1947) was a man of the arts, literary critic, philosopher, author of the “morphological” system of philosophy (in his book *The Foundations of Cosmonomy*), poet, intellectual publisher, and a friend of Vasily Rozanov, Sergey Durylin, and other important figures of the Silver Age of Russian Poetry. Between 1902 and 1904, he headed the religious and philosophical journal *Novy Put*. In 1896, he published the compendium *Filosofskiye Techeniya Russkoy Poezii* (*The Philosophical Currents in Russian Poetry*). The author of this article presents a review of the works of Pertsov that touch on Mikhail Lermontov, including articles published in newspapers in St. Petersburg and Moscow in the 1910’s that have not been republished since then. The author studies Pertsov’s view of Lermontov as the “most religious Russian writer” in the context of the cultural and philosophical views of the Silver Age of Russian Poetry, characterizes Pertsov’s critical method, appeals to Rozanov in his works, and conceptual similarities with the works of the Russian émigré philosopher Vladimir Il’in.

Keywords: Silver Age of Russian Poetry, Russian religious philosophy, philosophy of culture, Pyotr Pertsov, Mikhail Lermontov, religious views of Lermontov, Sergey Durylin, Vasily Rozanov, Venice, Sergey Andreyevsky, Lermontov and Pushkin, Lermontov and Leo Tolstoy, symbolism, demonism, eternity, heaven.

Svetlana Mikhailovna Telegina – a scholar of the poetry of Mikhail Lermontov (svetlanatelegina@yandex.ru).